

К реализации регионального компонента основной
общеобразовательной программы дошкольного образования с учётом
требований ФГТ

Хрестоматия для чтения детям дошкольного возраста

Методическое обеспечение к авторской программе

М.С. Васильевой «Я живу в Прибайкалье»



Иркутск 2012

Хрестоматия «Я живу в Прибайкалье» прошла обсуждение на педагогическом совете МАДОУ г. Иркутска детского сада комбинированного вида № 51 и рекомендована к ее внедрению в работу с детьми старшего дошкольного возраста

Я живу в Прибайкалье: хрестоматия для детей дошкольного возраста 5-7 лет. Пособие для воспитателей детского сада и родителей / Составитель М.С. Васильева. – Иркутск, 2012. –

Хрестоматия используется в качестве методического сопровождения к авторской программе Васильевой М.С. «Я живу в Прибайкалье», разработанная для детей старшего дошкольного возраста.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

С учетом возрастных особенностей детей в хрестоматии сделана подборка произведений художественной литературы – стихотворений, сказок, рассказов о природе Прибайкалья. В выборе произведений для детей предпочтение сделано писателям и поэтам – жителям Прибайкалья, создающим свои произведения непосредственно взаимодействуя с уникальным, богатым миром нашего региона. По своей чуткой ориентации на региональный компонент и преломление его к старшему дошкольному возрасту, данная хрестоматия не имеет аналогов. Материал, представленный в хрестоматии, может быть использован как в работе воспитателя, так и родителями детей старшего дошкольного возраста. По своему содержанию сказки, рассказы, стихи подобраны с учетом тематического плана программы, в том числе посвящены рассмотрению вопросов «Мой родной край – Прибайкалье», «История Прибайкалья», «Природа Прибайкалья». Хрестоматия может быть использована в качестве методического сопровождения к проведению интегрированных мероприятий совместной деятельности педагога с детьми, для чтения в утренний и вечерний отрезок времени. Познавательный материал, представленный в хрестоматии, сопровождается иллюстрациями, которые позволяют детям наглядно познакомиться с внешним обликом природной сокровищницы Прибайкалья.

Хрестоматия структурирована следующим образом: художественные произведения распределены по литературным жанрам - стихи, рассказы, сказки писателей Прибайкалья.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	59
Стихотворения о Прибайкалье	
Марк Сергеев. Три века.....	66
Об Иркутске.....	67
Инна Молчанова. Иркутская постель.....	67
Константин Ведов. Иркутск.....	68
Иосиф Уткин. Родина.....	68
Марк Сергеев. «Лесистых гор полуобвалы...».....	69
Иркутску.....	70
Иркутский острог.....	70
Юлия Хапалова. Иркутск – это город где я живу.....	71
Сергей Рудых. Иркутск – прекрасный город.....	71
Ю.И. Баранов. Небо над Байкалом.....	72
Большие Коты.....	72
Щука.....	72
Червячки.....	72
А. Горбунов. Отчизна.....	73
Кабарожки	75
Тальцинка.....	75
Ангарские хутора.....	77
Шилохвосты.....	78
Волшебные карандаши.....	79

Дедушка Бадма.....	80
Даурский соловей.....	81
Голубой зимородок.....	82
Саяны.....	83
Гольцы.....	84
Гости.....	85
Подарок.....	86
Алтаргана.....	87
Омули.....	88
На Байкале.....	89
Встреча.....	89
Кухта.....	90
Бабры.....	91
Проводы зимы.....	92
Загадка.....	93

Рассказы о Прибайкалье

С.К. Устинов. Время волчьих свадеб.....	94
С визитом к Царю Птиц.....	97
Шорохи лесной поляны.....	101
Нерпа – ластоногая загадка Байкала.....	105
Осень в кедровнике.....	113
В.Г. Распутин. На реке Ангаре.....	119
День рождения.....	119

Ночная гроза.....	119
Лед идет!.....	122
На теплоходе.....	124
За рекой.....	125
В лодке.....	126
336 и одна.....	126
С.К. Устинов. Как живешь, медвежонок?	127
Медведица.....	127
Родился медвежонок.....	128
Весенним днем.....	129
Новая жизнь.....	131
Медвежья дудка.....	132
Вкусные муравьи.....	133
Бурундук.....	134
Опять снег.....	135
Лесные страхи.....	135
Добыча.....	136
Сильный ветер.....	138
Пришла осень.....	139
Домой.....	140
Скоро зима.....	140
Серый.....	141
Жилище волков.....	141

Родились волчата.....	141
Серый волчонок.....	143
Волчий язык.....	143
Игры.....	144
Запасы впрок.....	144
Беда.....	145
Новое жилище.....	146
Вдвоем с матерью.....	147
Помощь.....	148
Взросление.....	148
Волчья стая.....	149
С.К. Устинов. Пятнистая шубка.....	149
Встреча.....	149
Медведь близко!	151
Подальше от речки.....	151
Филин.....	152
Почти самостоятельная жизнь.....	152
Пришла осень.....	153
Рысь.....	154
Много снега.....	156
Последняя встреча.....	156

Сказки о Прибайкалье

С. К. Устинов. Сказки и были о лесных жителях.....	157
Заячье зеркало.....	157
Кочка.....	159
Неслухи.....	161
Как появился Байкал.....	165
Омулевая бочка.....	168
Разноцветные сказки. Глоток океана.....	170
Сказки о Старой Крепости и храбром Витязе.....	190
Сказка об ольхе и речке Олхе.....	191
Геннадий Машкин. Легенды о Байкале.	
Рождение островов Байкала.....	192

Стихотворения о Прибайкалье



ТРИ ВЕКА

Так нелегко текли твои три с половиной века,

А пролетели, как единый миг.

И ты стоишь, в судьбу свою вобрав

Минувших дней события и сказки,

Простор – от Енисея до Аляски,

Соседство океанов и держав.

Тебе к лицу движение веков,

Острог Иркутский, ты, покинув детство,

Стал городом...

Да будет твой удел красив и вечен,

Да будет благороден твой удел!



Марк Сергеев

ОБ ИРКУТСКЕ

Мы постепенно город
обживаем.

Сначала дом, где мы явились
в мир,
Потом квартал с грохочущим
трамваем,
Потом подъезды дружеских
квартир.

Инна Молчанова

ИРКУТСКАЯ ПАСТЕЛЬ

Деревянные улицы старого города.
Я привычен уже к колдовским
мостовым,
И теперь забываю, как степенно-
гордо
Вы когда-то казались всем миром
моим.

...И переулки, полные
преданий,
Скамейка поцелуев у пруда,
Затем углы внезапных
расставаний.
И чаще – расставаний
навсегда.

Мои паденья и высоты,
Моих детей друзья и
кумовья,
И все работы, страхи и
заботы,
Моя любовь и нелюбовь моя.

...О город, разноликий,
разнолицый, -
Зимой и летом, и в разгул
весны, -
Ты мой дневник, где вырваны
страницы,
Но многие еще сохранены.

Думал я, проходя под окошками
теми,
Что на свете величественней не
найти
Городов, где такие же были бы
теремы,
Городов, где такими же были бы мы

Под резными под теми лилась
кружевами
Задушевная песня моих стариков...
Я теперь далеко, за москвами,
москвами,
Вы теперь далеко от меня, далеко.

Только чудится мне, когда пригород
старый
Промелькнет меж перронов, полей и
холмов,
Что дома деревянные корни пускаю
И живут своей жизнью средь
каменных снов.

Константин Ведов

ИРКУТСК

Провинция, маленький
город...
Простые жилые дома
Порой ужасающий холод

Иосиф Уткин

РОДИНА

Ты не будешь любовью пройдена,
Как не будешь пройдена вширь,
Моя снежная, зябкая родина,

Лачуги, плотина, тюрьма...

Душевные, добрые люди
С сибирским смешным
говорком
Без всяких ненужных
прелюдий
Одежда Китая мешком...

Походы в леса, огороды
Сибирской тайги красота
Охота, закаты, восходы
Байкальские чудо-места...

Провинция, маленький
город...
Тяжелая странная жизнь -
Влюбился я тут в жуткий
холод
Рождение вновь пережил!

Марк Сергеев

Лесистых гор полуобвалы
Касанье голубых лекал
И скалы, срезанные валом,
И небо, павшее в Байкал.

И сам он, величав и вечен,
В гранитной раме вырезной,
И весь - до доньшка -

Старушонка седая - Сибирь!

Хоть совсем ты теперь не такая,
Времена - что по ветру дым:
Говорят, даже раньше тают
И твои голубые льды.

Не такая!

А белый и вьюжный
Мне буран завывает:
"Айда!"

Потому что совсем не хуже
Черно-бурая стала тайга;

Потому что на гиблой дороге
Еще часто, качаясь, идет
И татарин - байбак кривоногий,
И барсук остроскулый - ойрот.

Ах, старушка!

Буянный и вьюжный,
Мне буран завывает:
"Айда!"

Потому что совсем не хуже
Черно-бурая стала тайга...

А к тебе и на лучших оленях
Мне теперь не добраться к весне:
Я зимую, где мудрый Ленин
Отдыхает в полярном сне.

Только здесь не останусь долго:
Убегу я в Сибирь,- что ни будь!
Хорошо погоняться за волком,

просвечен,
И весь - до капельки -
родной.

И Ангары полет строптивый,
И ветра крик, и гул турбин,
И птицы-сосны над обрывом,
И дикий ветер баргузин -

Все это, без чего не в силах
Быть далью даль и ширю
ширь,
Ты немыслима Россия,
И ты немыслима Сибирь.

Марк Сергеев

ИРКУТСКУ

Бегут и бегут прибайкальские
шири,
Саянские горы синеют вдали.
Нас встретит столица
таежной Сибири,
любимый Иркутск, середина
Земли.

Других городов – их немало
на свете,
взгляни на восток и на запад
взгляни,
сквозь тысячи верст мы свой
город заметим,

Хорошо в зимовье прикурнуть!

Ты не бойся - я здесь не подохну!
Мой родной криволапый медведь!
Эх, на день бы собачью доху,
Хоть на день
Поносить,
Одеть...

Марк Сергеев

ИРКУТСКИЙ ОСТРОГ

И вдруг привидится такое:
В сплетенье судеб и тревог
Встает над дикою рекою
Иркутский рубленый острог.
...Ни знатных зодчих, ни прорабов,
Ни удалых грузовиков,
Весь мир — боярский сын Похабов
Да сотня дюжих казаков.
Да Ангары ни с чем не схожий
Глоток, сжигающий уста,
Да для посева клин угожий,
Да славный выгон для скота.
...Лишь на заре туманы стают
Над дивным бегом Ангары,
Как сирин-птицами взлетают
В руках охочих топоры.
Себя припевкой-шуткой тешат
Первопроходцы- молодцы,
И золотые бревна тешут,
И вяжут вечные венцы.
Смолевый дух тревогу будит,

любимый Иркутск, середина
Земли.

Пусть есть города и красивей,
и выше,
но где бы пути иркутян ни
легли,
они тебя видят, они тебя
слышат,
любимый Иркутск, середина
Земли!

Юлия Хапалова

Иркутск – это город где я
живу,
Самый красивый город на
свете.
Я так люблю мою Ангару,
Фонтаны, и парки, и улицы
эти,
Я так люблю купола церквей
Средь зелени клёнов и
тополей.

Волнует сердце казака:
А что-то будет, что-то будет
Через года, через века?
Поди, поля взойдут хлебами,
Да встанут избы в сто рядов,
И ляжет меж семью горбами
Один из славных городов.
И в нем диковин будет много...
Да вспомнят ли в достойный час
Добром начальный день острога,
И пашню первую, и нас?

Сергей Рудых

Иркутск - прекрасный город
И в нем живу я мирно.
И каждый день мой папа
Спешит на свой завод.
А я иду счастливый
По улицам Иркутска
Вокруг меня танцует
Деревьев хоровод.
Когда закончу школу
И вырасту большим я,
То вместе с папой дружно
Пойдем мы на завод.
Хочу я как конструктор
Создать свой самолет.

Небо над Байкалом

Где-то великаны лепят облака
Из крутой сметаны или молока,
Брызгают на скатерть голубого льна,
И лежит над озером синяя страна.

Большие Коты

В посёлке Большие Коты
По улицам бродят коты.
Большие, усатые,
Чёрные, полосатые,
Белые и с пятнами.
Но очень большие.
Понятно вам?

Щука

Щука щуке так сказала:
– Жубы я вчера шломала...
– Очень твёрдый был карась?
– Это был железный таз.
Тороплюсь теперь к врачу.
Всё, подруга, Я лечу.

Червячки

В огороде червячки
Жили – не тужили.
Всей семьёю на обед
Дружно выходили.
Ели спаржу,
Ели лук,
А ещё капусту.

Очень скоро в огороде
Стало пусто-пусто.

Горбунов А.

РОДИНЫ СВЕТ

ОТЧИЗНА

Берёз хрустальные фонтаны.
Село. Гармонь. Родная речь.
Я никогда не перестану
Отчизну милую беречь.
У ней глаза любимой мамы,
Они прекрасные всегда,
Как это небо над полями,
Как эта чистая вода!



КАБАРОЖКИ

Солнце. Кедры. Шорох. Тени.
И – комолые олени:
Попрыгушки-кабарожки!
Не дал Бог малюткам рожки...
Тихо в зарослях лежат
И дрожат за кабаржат.
А взойдет рогатый месяц –
Среди скал и перелесиц,
Пав от горя на колени,
Просят жалобно олени:
– Ясный месяц, сбрось рога!
Или жизнь не дорога?
Вот придёшь воды напиться,
Попадёшь нам под копытца...
Месяц в ключик сбросит рожки,
Дружно ловят кабарожки
Рожки в струйках ледяных,
А поймать не могут их.

ТАЛЬЦИНКА

Речка Тальцинка,
Что соболюшка:
Тёмная спинка,
Светлое брюшко.
В зарослях птичьих
Скачет, резвится,
То замурлычет,
То затаится,
Прыгнет на камень,
Юркнет под мостик...
Всюду сверкает
Солнечный хвостик!





АНГАРСКИЕ ХУТОРА

Ангара широкая,
А над ней два сокола
Караулят утушек,
Утушек-голубушек.
Селезни-гагарочки,
Храбренькие парочки,
Кину – ловят хлебушко...
Отражаясь в небушке,
На себя любуются,
С Ангарой целуются!



ШИЛОХВОСТИ

Кряк да пик за речкой тихой
Из помятой мяты
Шилохвость, шилохвостиха
И шилохвостяга.
Надоело тину кушать
Маленьким и взрослым,
Встало солнце, вот и сушат
Красненькие вёсла.



ВОЛШЕБНЫЕ КАРАНДАШИ

Юрту и степь
Нарисую в тетрадке,
У коновязи –
Резвунью-лошадку:
Ленточка в чёлке,
А грива как пламя,
И под копытами
Выбита яма...
Выйдет из юрты
Проворный бурятик
И по степи
На лошадке прокатит.



ДЕДУШКА БАДМА

С петель зимушка опять
Рвёт на окнах ставни.
Петь и валенки валять
Нет седому равных:
Добрый дедушка Бадма
Всех обул в деревне!
Вот и сердится зима –
Снежная царевна!



ДАУРСКИЙ СОЛОВЕЙ

Соловьи – орловский, курский –
Голосами дружат.
Наш сибирский, наш даурский
Их ничем не хуже.
Облюбует прутик зыбкий:
Раздувая грудку,
То пиликает на скрипке,
То гудит на дудке...
Исполняет кроха с блеском
Разные колена!
Хороводят перелески,
Рыбки пляшут в Лене.



ГОЛУБОЙ ЗИМОРОДОК

Над лучистой Ангарой,
На отвесной горке
Зимородок голубой
Поселился в норке.
Бульк в студёный пережат
С веточкой еловой,
Схватит рыбку – и назад,
Радуюсь улову.
Улыбается река,
Вдаль течет покато...
Караулят рыбака
В струях жигалята.



САЯНЫ

Хвоя льётся по ветвям.
Ловим шишки ловко –
Их швыряет сверху нам
Щедрая кедровка.
Над костром струится дым
Серебристым змеем...
Шишки ловим – шелушим
И орешки веем.
И любимся с хребта
На свои Саяны.
Заповедные места!
Кедры – великаны.



ГОЛЬЦЫ

Перевалы, пики.
Хвоя вороники
Да кедровый стланик...
Снежный барс – охранник.
Любит пить капели,
Водяные трели
И когтистой лапой
Ледники царапать.



ГОСТЬЯ

За деревней волки
Воют без умолку:
Сорвалась охота,
Вот и выть охота.
Бедная косуля,
Быстрая, как пуля,
Юркнула в ограду,
Жизнь спасла – и рада!
Бросил добрый папка
Ей сенца охапку.



ПОДАРОК

Дикий берег на Олхе
Сплошь в ольховой шелухе.

Спелые серёжки

Падают под ножки.

Шла девчонка на Олху

Любоваться на ольху,

И нашла на тропке,

В спичечной коробке,

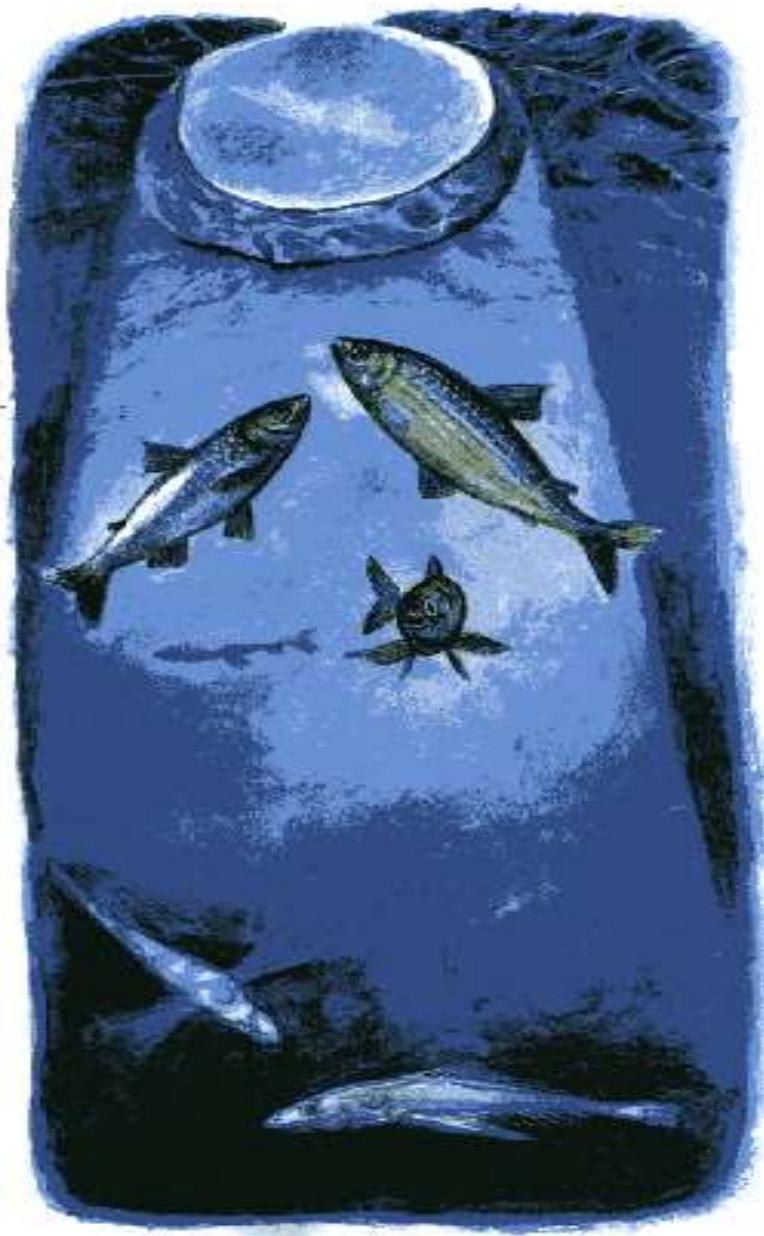
Две серёжки золотых...

Это я подкинул их!



АЛТАРГАНА

Цветочек – щедрый на медок.
Семянки спелые – крылаты.
Его в тенёчке сушат впрок
И вместо чая пьют буряты.
Земная мощь ему дана!
Растёт по взгорьям, где кустарник,
Краса лугов – алтаргана,
По-русски, значит, золотарник.



ОМУЛИ

Кружат в лунке
бормаши
И под лёд ныряют,
Омули-прикормыши
Их живьём глотают.

Голубые молнии
Я ловлю на мушки.
Квохчут своевольные
Чайки-побирушки.

НА БАЙКАЛЕ

Ветерок-проворныш
Раскачал волну.
Месяц –
рыжий бормаш,
Ползает по дну.
И в пучине зыбкой,
Где земная ось,
Голомянки-рыбки
Светятся насквозь!

БАБРЫ

На байкальских пиках,
на просторах диких
Жили-были бабры,
Были они храбры.
На хребтах горбатых
Резали сохатых,
Соболей душили,
Деткам шубы шили.
Но пришли казаки –
Меткие вояки...
Стали сказкой бабры,
Хоть и были храбры.



ВСТРЕЧА

По Байкалу стук да скок
Мой рыбацкий посох.
У отдушины белёк
Спрятался в торосах.
Нерпа замерла на льду,
Солнце держит в лапах.
Я отважно подойду
И скажу ей:
– Здравствуй!



КУХТА*

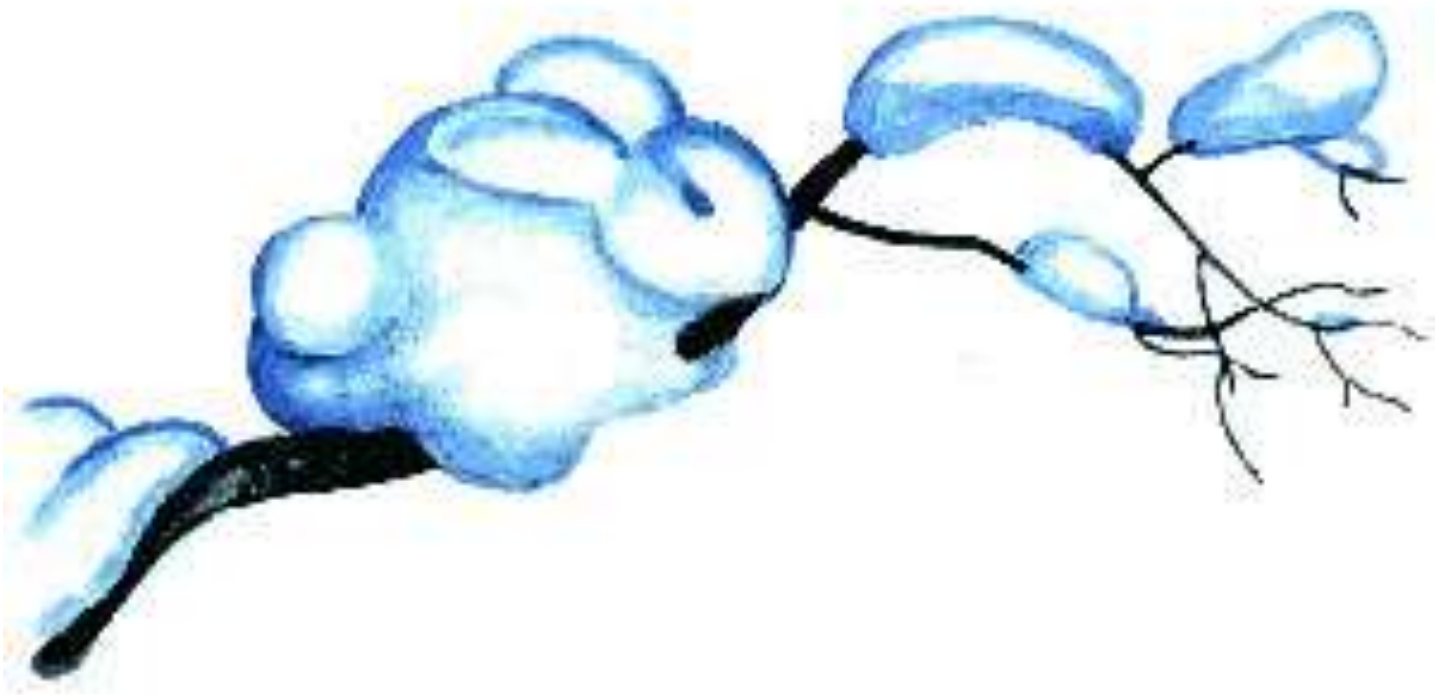
Лунные осветки.
Изморозь струится.
Замерли на ветках
Птицы-беляницы.
Солнце отоспится,
Озарит лесины,
Обернутся птицы
В золотых и синих.

* Кухта – комья снега на ветках.



ПРОВОДЫ ЗИМЫ

В стороне оленьей,
Между быстрой Леной
И Амурой плавным,
На пригорке славном
Жгут костёр тунгусы –
Раскудрявы, русы,
А ещё якуты –
В катанки обуты.
Парни долговязы.
Девы огнеглазы.
Масленку встречают
Сахаром да чаем.
Блинчики горячи
По ладоням скачут!



ЗАГАДКА

Зайка на ветке
Всю зиму сидел,
Ушки прижав,
На лисичку глядел.
Скалила зубки
Лисичка внизу,
Мёрзлую грызла
От злости лозу.
Солнце пригрело –
Он ушки торчком,
С дерева спрыгнул
И стал ручейком

Рассказы о Прибайкалье

С.К. Устинов

ВРЕМЯ ВОЛЧЬИХ СВАДЕБ

В конце февраля днями стало заметно теплее, а солнца явно прибавилось. На снегу, закрывшем вывороты корней упавших деревьев, глыбы камня в россыпях, с южной стороны наметились темные косые стрелочки — первые пока еще еле заметные следы весны. Ночью же еще царствует мороз под сорок, он наполняет воздух над тайгой бесчисленным множеством мельчайших ледяных кристалликов — тумана, который под утро плотно оседает в кронах лиственниц. Зимой тощие без хвои деревья от этого смотрятся толстыми колоннами, и им становится тесно. Склоны гор, а особенно их вершины, кажутся сплошным белым пространством, на котором не за что зацепиться глазу. Но часа через два-три, когда взойдет солнце, белое наваждение улетучивается, и лиственницы опять стоят в своей будничной темно-серой одежке. Эти кристаллики эвенки на севере Байкала называли кичей, она была предвестником длительной ясной и морозной погоды.

На таежных ручьях и речках широко разлились наледи. Их закрыло тонким плотным снегом и превратило в накатанные дороги для любого идущего. Вот в этих условиях природы волки празднуют свои «свадьбы». Сложившиеся в прошлые годы пары, а волки сохраняют преданность друг другу всю жизнь, уже отделились от стаи, и «свадьбы» играют новые пары, из молодых. ...Сегодня рано утром с ближних пологих склонов Тышея донесся вой двух волков, их было слышно даже в палатке. Я выскочил, чтобы определить точно, где они. Живу здесь с середины января, и волки сюда приходили только один раз, их было одиннадцать в

одной стае. А кто пришел теперь? Наскоро попив чаю, взял ружьё, бинокль, фотоаппарат, топор, котелок и на день-два продуктов («Идешь на день — бери на два») и направился вверх по Тышею, на волчьи голоса. Наледь на ручье — отличная дорога, но беззвучно идти по ней невозможно — громко хрустит мёрзлый снег на льду. Выли двое, но волков оказалось пять, это видно по следам. Стая, то смыкаясь, то разбредаясь по лиственничному редколесью в зарослях низкорослой березки, шла вниз по долине мне навстречу. И конечно, они услышали мой ход задолго до того, как я увидел их следы.

Первым услышал тот, который шел немного в стороне от остальных. Он резко, царапнув когтями плотный снег на наледи, остановился, и по-видимому, его поза сразу остановила всех. Волки замерли, постояли, затем круто свернули на близкий склон. Наверное, сейчас оттуда они хорошо видят меня на голом просторе наледи, занявшей почти всю ширину долины Тышея. Идти за ними никакого смысла нет, они выстроятся цепочкой, пройдут невысокий перевал и исчезнут на просторах верховий Кулинги. А вот пройти по их следам обратно очень даже интересно. Вскоре я определил, что это была гонная стая, шло выяснение отношений между тремя молодыми самцами. На снегу «утолока», несколько клочков шерсти. Какой-то один или два после этого идут стороною, но вскоре объединяются с остальными, и все повторяется. Похоже, определенного победителя пока нет, поскольку гон в этой группе только начался. Выйдя из глубины леса на наледь, волки повели себя странно: они начали валяться, тереться мордами о жесткий снег на льду, юзить на боку всем телом. Один после этого, вскочив, бросался по кругу. В стае, как мне показалось, царило радостное оживление, что породило определенную догадку — волки недавно кого-то добыли.

Присмотревшись, в одном-двух местах, где волки терлись об снег мордами, я заметил красноватые бледные мазки. Понял, что это кровь, а значит — они только что пообедали.

...Крупный гуран-самец козули, еще до того как село солнце,

тихо шел по лесу, кормился, не выходя за его опушку. Он пока не появлялся на открытом пространстве калтуса. Но там совсем мало снега, легко ходить, и много засохшей травы-вётоши, зимней еды козули. Вскоре солнце скрылось за лесом, быстро наступили сумерки, и гуран, тщательно прослушав и осмотрев лежащее впереди пространство ерников, вышел на калтус. Чтобы добыть вётошь, кое-где ему приходилось разрывать снег. С громким от крепкого мороза хрустом он рассыпался по сторонам, и это было слышно издалека. И его слышали волки, которые своим постоянным путем выходили из вершины Куяды. Несомненно, этот звук им давно знаком. По узенькой полоске густого ельника вдоль ручья волки шагом подошли к гурану метров на двести. Здесь у них, видно, был совет — как добывать. По «распоряжению» вожака два волка вернулись по своим недавним следам и зашли в лес. Потом один из них прошел дальше и затаился на пути возможного бегства жертвы вдоль склона слева. Два других тоже, разойдясь метров на сто, отрезали путь козуле вниз и вдоль склона справа. Гуран оказался обложен со всех сторон. А у последнего из стаи волка обозначилась главная роль, он стал загонщиком. По-видимому, выждав какое-то время, чтобы засада успела занять места, загонщик, прячась за кое-где густо стоящие кустики, начал медленно подходить к гурану. Метрах в восьмидесяти некоторое время он даже лежал на брюхе, наверное, видя насторожившегося гурана, или ожидая нужного момента, затем рывком вскочил и не таясь бросился к жертве. Гуран, конечно, сразу увидел опасность и рванулся в близкий лес, на опушке которого его ждала плотная засада...

Можно подумать, что всё это я прочёл быстро, между делом. О-о! Распутать по следам волчьей охоты очень трудно, часто невозможно — всё там бывает затоптано следами добытчиков; я, чтобы выяснить роль каждого, затратил тогда почти весь световой день.

Через два дня я снова оказался в том же районе, и не без задней мысли пошел на место гибели гурана. Да, так и есть! Следы двух росомых, которые вчера я видел километрах в десяти отсюда в

долине другого распадка, оказались здесь. Что же это за сигнализация в тайге, откуда росомахи узнали, что именно здесь волки оставили им богатую закуску? Закуска в виде нескольких почти полностью сгрызенных костей и тщательно обглоданного черепа гурана «бесхозно» лежала всего два дня. Теперь на месте волчьей добычи лежал только смёрзшийся комок содержимого желудка, росомахи доели всё. Этот кусок, как растает снег, съедят другие потребители — насекомые и даже микробы. Так без следа природа убирает за собою свои отходы. Росомахи, выйдя на след волчьей стаи, учуяли их добычу, и, как и я, «в пяту» пришли к ней. В существовании волчьей удачи они не сомневались: обоняние у них отменное.

Росомахи сами не столь успешные добытчики, и, по наблюдениям промысловых охотников, зимою часто ходят по волчьим следам, доедая то, что волки съесть не в состоянии. Череп и зубы росомахи «отлиты из стали» — до того прочны. Им потому и уготована роль утилизаторов.

С ВИЗИТОМ К ЦАРЮ ПТИЦ

«В вершине Хангитуюя правый склон длинный, пологий, редколесный. Далеко видно. А у меня тут на левом склоне — свежий след изюбря, иду по нему потихоньку, вот-вот увижу, стрелять приготовился. И тут боковым зрением заметил на том редколесном склоне какое-то тёмное мелькание. Как мой изюбрь мог там оказаться?! — мысль мелькнула. Пригляделся... и глазам не верю, никогда ничего похожего не видел: огромная бурой окраски птица одной лапой вцепилась в спину козули, а другой хватается за сучья, за стволы деревьев — тормозит. Одним крылом за снег цепляется, другим по козуле колотит! Козуля пыталась мелкими прыжками бежать, но скоро остановилась и упала. Она ещё подёргалась маленько и затихла. Эта возня насторожила, испугала моего изюбря, он встал с лежки и прыжками ушел вверх по склону. Я, оставив его след, пошел

смотреть, кто это там козулю добыл, что за птица такая громадная, не иначе орел какой-то невиданный. Заметил он меня ещё издали, показалось — нехотя взлетел, покружился над лесом и скрылся. Размах крыльев метра под два однако был. У козули оказались спина, бока и шея во многих местах как картечью пробиты когтями. Протащила она его не больше ста метров. Молодая козуля, нынешнего рождения».

Этот рассказ я слышал от моего отца ещё в детские мои годы. Он глубоко запал в душу своей трагичностью. А поскольку уже в ранние школьные годы с дробовичком по выходным бегал я в лес за рябчиками, всё мечталось увидеть того супостата и убить его. Да, отец этот случай тогда поведал своему приятелю, тоже охотнику из улуса Ангир Зундою. Тот вспомнил похожий из своей охотничьей жизни. Орел схватил тоже козулю, но та была взрослая и, стремительно прыгая с хищником на спине, на всем скаку поднырнула под нависшее дерево. Это сбило орла, он, конечно, получил хороший удар и больше её не преследовал. Произошли оба эти события в двадцатых годах прошлого столетия приблизительно в одних и тех же местах — в водосборе верховий Курбы на хребте Улан-Бургасы в Восточном Прибайкалье.

За десятки лет моих исследовательских походов в тайге Восточной Сибири «огромного в бурой окраске» орла я видел считанное число раз. Однажды на байкальском мысе Большом Солонцовом в Байкало-Ленском заповеднике с северо-запада, низко над горами объявились тяжелые, медленно ползущие вниз по склонам, грозно клубящиеся облака. Но сначала между ними и близкими гольцами образовалась неестественно светлая полоса, от тяжести облаков она быстро сужалась. Было ясно: приближается Горная, ветер, подобный знаменитой Сарме, слетающей с гор Приморского хребта на Малое Море. Я, стоя на береговом валу, любуюсь этой грозной картиной, и вдруг вижу над этой светлой полосой и значительно выше массы ползущих над горами облаков на фоне пока ещё яркого, не закрытого синего неба две стоящие на месте черные точки. Бинобль к

глазам: две огромные птицы, раскрыв крылья, неподвижно стоят на месте. Как приклеенные к безмятежно синему небу! Дивное, загадочное видение: почему они не машут крыльями, не парят, а именно стоят на месте? Что удерживает их в таком положении? Наверное, это огромная разница в давлении выше и ниже полосы ветра, подпор плотного воздуха, сжатого ринувшейся вниз горой. Когда нижняя кромка «киселя», быстро летящая вниз, достигла уровня леса, одна точка вдруг стремительно, как камень, полетела отвесно вниз! В бинокль было видно, что орел падал, сложив крылья, плотно прижав их к телу. Падал он прямо на берег лесного озера. Невысоко над землей орел раскрыл крылья, притормозил и мягко упал в траву на береговой кромке. Он тут же взлетел, а в одной лапе его мгновенно и насмерть задавленная висела ондатра. С такой высоты — не менее полкилометра — в густой траве разглядеть столь небольшого зверька?! Куда исчез второй орёл, я не успел заметить, небо закрыла, заревела Горная, но делить добычу с сородичем-родственником он не явился. Похоже, это был беркут.

На одном из притоков Иркута древнее зимовьишко — моя база, стоянка на полмесяца полевых экологических исследований кабарги. Олешка этого в тех местах было тогда ещё много, и я каждый день выслеживал их и наблюдал за их поведением. Один день был особенно морозным, вышел я ненадолго и, возвращаясь к зимовью, не пошел, как обычно, по долине моего закипевшего наледью ручья, а решил сократить расстояние, продравшись сквозь участок густого подроста. Только я объявился на его окраине, как из гущи молодых сосен с треском веток, шумом ударяющих по сучьям мощных крыльев, прямо вверх сквозь кроны проломилась — сразу и не сообразил, что это такое — огромная бурая птица. Продравшись сквозь кроны, орел, не набирая высоты, улетел вниз по долине ручья. Я полез посмотреть, что он там в чаще делал. Там лежала растерзанная кабарга, совсем молоденькая, прошлогодок. Неподалёку от опушки этой чащи, разрывая тоненькой ножкой мелкий снег, она кормилась наземным лишайником и листиками брусники. Здесь

орёл её и схватил. Но у кабарог спина и особенно круп — в очень густой и длинной шерсти. Экологи считают, что это защита от хищника, даже рысь, бывает, вместо вожака кусок мяса получает при падении в пасть и лапы солидный клок шерсти, которая на коже слабо держится. А кабарга благополучно удирает. Это же случилось и с нашим орлом, но он каким-то образом удержался на спине кабарожки, которая ринулась в чащу. Короткий путь этот усеян клочками шерсти, которую выдирали мощные когти хищника. Зверек упал, здесь орел, крыльями упираясь во встречные стволы деревьев, сумел просто остановить добычу. По-видимому, этого же орла я увидел в тех же местах спустя несколько дней. Странную качающуюся темную фигуру на снегу в редколесье я заметил издали: наклонится — выпрямится. Осторожно подобрался поближе: орёл обедает. Наклонится, оторвет что-то, выпрямится — и зорко оглядывается. Как я ни осторожничал, орел заметил меня и взлетел. Оказалось, из близкой — через короткий невысокий перевал — Тункинской долины — на лошадях сюда заехали несколько охотников. Это их постоянный охотничий путь. Они пристрелили одну козулю, но почему-то не повезли её тушкой как обычно, а освежевали и потроха оставили на месте. Их и кровь на снегу заметил пролетающий мимо орёл, несомненно, он постоянно наблюдает места успешной охоты людей. Ориентируется на звук выстрелов, это замечено за всеми, кто питается падалью, даже варанами на острове Комодо. В том, что орлы прилетают на выстрелы, где постоянно остаются для них некоторые «деликатесы», я убедился ещё раз. В верховьях водосбора Кулинги — ключей и ручьев Борьха, Тышей, Тана и Шаповалова был постоянный участок моих наблюдений за экологией и этологией копытных животных. Зверя там было относительно много, в основном козули. Сюда изредка наезжали местные браконьеры на лошадях, но заметного урона от них не было. До тех пор, пока на Тышей из Кырминской долины не проложили зимник солидные, на высокопроходимом автомобиле браконьеры. Они промышляли тут всю зиму. Запас продуктов —

потроха на снегу, кровь — быстро обнаружил орел. Из своей палатки ночью не однажды я слышал выстрелы в долине Тышея, и в один январский день пошел посмотреть, что там произошло. С километр от моей обители в долину сбегает тонкий мыс, на конце его — заметная лиственница. И вот сегодня, издали вижу, стоит эта лиственница «не такая». На ее вершине чернеет силуэт огромной, в сравнении с обычными тут воронами, птицей. Сообразив, что меня она пока не заметила, я укрылся за деревом, достал бинокль и приготовился понаблюдать. Но в этот момент орел — конечно, это был он — мягко снялся и спланировал куда-то в заросли ерника. Я понял, что он занялся обедом, и, спустя около получаса, дав ему подкрепиться, пошел посмотреть, кого убили браконьеры. Орел слетел с кучи лосиных потрохов. Зверя этого браконьеры убили из дальнобойной винтовки, осветив мощной фарой далеко на пологом склоне, и волоком, с кровавым следом, тащили к машине. Этот след орел мог заметить издали... Что за птицы были во всех этих случаях? Что орлы, несомненно, но какой вид? Широко известный знаток этих хищников, сотрудник Прибайкальского Национального парка Виталий Рябцев знает, что на зиму у нас остаются беркут и могильник (отдельные птицы, большинство улетает на юг). Я же раньше от старых знатоков птиц (Виктор Тимофеев) слышал, что и большой подорлик тоже остается. Вот на днях в водосборе Утулика на юге Байкала Сергей Косенков, работник местного лесничества, наблюдал «какого-то большого орла», по рассказу похожего на большого подорлика. Все эти птицы ныне в Красной книге, да они и всегда были редкостью. Это яркие представители нашего биологического разнообразия, украшение природы, и они пусть редко, как истинная ценность, но встречаются в наших лесах.

ШОРОХИ ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЫ

Вот она, длинная цепочка аккуратных следов, четко вылепленных на ослепительной снежной поверхности. Это история жизни за те

несколько часов с тех пор, как прекратился длительный снегопад, надолго задержавший его хотя и в теплом, но тесном убежище съеденной им полевки.

Сегодня перед рассветом он, наконец, выбрался из него и мягко покатился по лесу, то и дело ныряя в невидимые пустоты в снегу. Разумеется, он не знал, что я подглядываю за ним, он просто делал то же, что и всегда: добывал себе пищу, а я шел по его уже подмерзшему следу и внимательно читал эту раскрытую передо мной снежную книгу.

Попробуйте поймать лесную мышь или полевку, не имея ловушек! Я уверен — не поймать, а ему, маленькому, гибкому, в белой шубке хищнику приходится ловить их по несколько штук в сутки, потому что это — основной его корм зимой. Для того он такой маленький, замаскировавшийся под комочек снега и неопишимо хищный! И для того он знает ряд хитрых приемов и уловок, от которых редкой полевке, если он преследует ее, удавалось ускользнуть.

...Какая-то чересчур уж осторожная полевка глубокой ночью робко выбралась из-под коряги, чтобы перебежать открытую лесную поляну. Там, на ее опушке, она знала это, стоит маленький стожок сена, возле которого можно найти что-нибудь съестное.

Посидев у входа в свое подземелье, она сделала несколько прыжков по снегу, и вдруг села, трусливо прислушиваясь к звонким лесным шорохам.

Её одолели сомнения, те непреодолимые сомнения, которые рождают смутную тревогу. Ничего не поняв, но что-то почувствовав, она стремительно кинулась к своему убежищу.

Я смотрю на эти следы: в одну сторону — робкие, трусливые, обратно — большие, в панике спасающие от какой-то, может быть, несуществующей опасности, и мне почему-то приходит в голову старинная мудрость: «Сомнение — источник истины». Так вот и будет жить эта трусливая полевка, всего боящаяся, во всем отказывающая себе, беспричинно дрожащая за свою жизнь — маленькую и серенькую. Ничего не сумеет она

понять и увидеть в жизни, лишь изредка глубокой ночью, когда всем порядочным обитателям лесной поляны положено спать, появляясь на пороге своего скучного темного убежища... Яркая аналогия нашей жизни.

А на другом конце поляны у подножия крутой горы, с которой еще в прошлом году мощные лесовозы вывезли целые штабеля леса, жило дружное семейство больших, смелых лесных мышей. Днем они боялись высунуться на свет и сидели под корягой, зато с наступлением сумерек смелели и всю морозную ночь до рассвета с громким писком носились по поляне, расшивая бисером во всех направлениях ее заснеженную поверхность. Поймать их было не так-то просто. Для этого ему приходилось не то что ползти по снегу — бесшумно прокладывать длинные туннели в нем, чтобы подобраться на верный прыжок. Зато какие они были вкусные, эти лесные мыши! Не то что трусливые, раздражающе осторожные полевки.

Здесь рассказчик мой надолго скрылся под валежиной, и я подумал, что он так и остался под ней, но нет, вон там, у другого конца упавшего дерева, снова вижу ровную двухчетку его маленьких следов. Пробежав несколько метров, он поднялся на задние лапки, поставил передние на снег, чуть касаясь его поверхности, и, вдруг, резко изменив направление, кинулся к толстому трухлявому пню. Но, сделав десяток прыжков, снова остановился, прислушиваясь, и снова изменил направление. Так он повторил несколько раз. Глядя на эти сомнения, я вспомнил фразу из прочитанной в детстве книжки: «В лесу первое дело уши, глаза — второе». И он хорошо знал это. Определенно первостепенное значение он придавал тому, что слышали его крошечные уши, спрятанные в густом белом меху на длинной острой мордочке. И верил им, иначе он не изменил бы направления от старого трухлявого пня, где на первый взгляд наверняка хоронились лесные мыши. Тонкий знакомый писк слышался из-под незаметной, заваленной снегом валежины, каких много в лесу, и далеко не под каждой из которых прятались мыши. Он сделал несколько каких-то особенно мягких пружинистых

прыжков и, пролетев больше метра, бесшумно упал в снег, и, вероятно еще в полете, он понял, что сделал глупость, сейчас он вспугнет добычу — писк прекратился. Там, под валежиной несколько пар чутких маленьких ушей уловили непонятный, но тревожащий шум. Он так и остался лежать в снегу, застыл, как кусочек снега, сброшенный с ветром с кроны стоящего рядом могучего кедра. Мало ли падает зимой таких комочков снега — кухты с деревьев под порывами февральских ветров! И писк возобновился, но такой тихий, короткий и прислушивающийся.

Два маленьких, горящих красноватым фосфорическим светом глаза не моргая смотрели в точку, откуда доносился этот аппетитный писк. В глазах светилась охотничья, хищная страсть — ценнейшее приспособление живой природы в борьбе за жизнь. Ведь если бы он не хотел так сильно, страстно поймать добычу, он не поймал бы ее никогда. Зверек решил правильно, он сделал тактический ход: тихо поднялся, сделал два прыжка влево, и маленькими абсолютно бесшумными прыжками как тень мелькнул вдоль валежины, скрывшись под ней.

Я обошел вокруг валежины, откуда на рассвете, когда здесь появились маленькие следы хищника, слышался мышинный писк, и не нашел выходного следа. Он остался там, конечно же, не вышел на поверхность не только потому, что восток окрасился в бледно-розовый свет, потянул утренний хиузок. И внизу у подножья горы в рабочем поселке заработали бульдозеры, расчищая лесовозам путь в снегах. Теперь он будет спать до вечерних сумерек, потому что он сыт. Его самого я не видел, но знаю, что это — горноста́й, на редкость подвижный, грациозный, с белым мехом хищник, наш друг, неумолимый враг маленьких серых вредителей.

НЕРПА — ЛАСТОНОГАЯ ЗАГАДКА БАЙКАЛА

— У вас какой-нибудь жир то с собой есть? — задает мне вопрос Олег Кириллович Гусев, руководитель научного отдела Баргузинского заповедника. Он отправляет нас, двух студентов-практикантов, в отдаленное таежное зимовье для февральского учета численности соболя. Давше — центральная усадьба заповедника — стоит на самом берегу Байкала.



— А как же, маргарин, вот...
— Да ну, возьмите-ка нерпичьего, он и светить вам вечерами в зимовье будет. Скрутите из бинта фителёк, один, коротенький конец пусть торчит из чеплашки. Другой — в жир. Чеплашку сделаешь из консервной банки, отрежь топором на две трети. И подает мне бутылку из-под шампанского, полную вытопленного жира нерпы.

Так впервые, более сорока лет назад познакомился я с байкальской нерпой через один из продуктов, даваемых испокон веку зверем этим прибрежному населению. Появившись в Байкале миллионы лет назад, нерпа безусловно участвовала в «прокормлении» бесчисленных поколений от самых первых людей на его берегах. У археологов есть подтверждающие это находки.

Как, когда и откуда проникла нерпа в Байкал, у ученых нет единого мнения, но что это реликт третичной фауны — у крупнейшего современного исследователя, знатока биологии и экологии этого животного Владимира Пастухова сомнений нет. Миллионы лет жизни в озере, в замкнутом водоёме, хотя и великом, без генетической связи с родственниками, живущими в северных морях, не могли не наложить отпечаток на эндемика. И они, эти отпечатки, Пастуховым лично, или другими исследователями под его руководством, найдены. Их определили глубоководность и холодноводность среды жизни Байкала, а также обитающая в нем на 2/3 состава эндемичная фауна, представителями которой нерпа питается.

Жили мы тогда в тайге около месяца. Жир нерпы исправно освещал наше жилище, даже в дневнике писать можно. На нем готовили мы в сковородке и рыбу, о маргарине забыли.

А в самом поселке Давше, да и во многих других на побережье, почитались за лакомство печеные ласты и вполне съедобное мясо нерпенка, по-эвенкийски кумоткана. Охотились почти все мужики, от добытого зверя брали в основном «хоровину» — шкуру с толстым слоем подкожного жира. Сало солили как свиное, но чаще вытапливали, чтобы хватило до

следующего года. Когда-то оно входило в состав регулярного питания. Шкура в хозяйстве охотника шла на подклейку камасных лыж.

Насколько же облегчала, даже определяла уровень жизни байкальских побережий, особенно в далекие, а позже и просто голодные годы нерпа — ластоногий дар Байкала! Первые ученые-натуралисты XVII века, появившиеся на Байкале, конечно, сразу же обратили на нерпу внимание, но научный материал стал поступать, хотя и нерегулярно, только со второй половины XIX века (Бенедикт Дыбовский). В дальнейшем более или менее основательные сведения уже в нашем веке получили Зиновий Сватош, позднее Павел Мартынов — оба из Баргузинского заповедника, Тимофей Иванов, Николай Свиридов. С 1961 года байкальской нерпой стал заниматься Владимир Пастухов, и почти все современные знания о ней по морфологии, биологии, экологии и другие получил он и его последователи, ученики.

Верно человеческое наблюдение: жизнь идет по кругу. Пройдя практику в Баргузинском заповеднике, после окончания института туда же попал я на работу. Нерпы, за которыми можно было наблюдать в Байкале едва ли не с крыльца научной станции, не стали плановым объектом моих исследований, но при любом подвернувшемся случае, а их было множество, не мог я отказать себе в удовольствии полюбоваться этим таинственным животным. Почему таинственным? Вот плывешь вдоль берега в гребной лодке, а на борту — тихая музыка в «Родине-47». Был когда-то такой ламповый радиоприемник на батареях. Для нас явилось тогда открытием, что нерпы не просто любят музыку, им нравится тихая, мягкая, лиричная. Мы такую для них и ловили. Это позже народ на судах стал рев из приемников извлекать, мол, вот у нас как, какие мы меломаны. Сами чумеют, а уж нерпа и на сто верст не подплывет. Чужаки в природе, рева грубого вместо пения она не выносит. Все удивляюсь: зачем в этих агрегатах такая громкость?

Лодка идет без всплесков, оглядываюсь в ожидании. Вот появилась, не ныряет, плывет за лодкой метрах в шестидесяти, усы на воде, глаза круглые. Что не так, пошевелился резко, чихнул, кашлянул — нырнет, но вскоре появится: ффшик! — и поближе подгребет, зовет музыка. Что привлекает нерпу? Где, когда в своей эволюции слышала она что-нибудь подобное? Кто ответит? Или — бывали такие случаи — в прошлом веке видели нерпу то в Енисее за тысячу километров от моря, то в Селенге, почти в Монголии. Что ей там, в реках? Когда-то была версия: в Байкал нерпа пришла по Енисею или по древнему стоку в Лену через Витим. Там, в северных морях до сих пор живет близкий ей вид — нерпа кольчатая. Не верится, она же не может долго в грязной, мутной воде. Глаза слезятся, краснеют, я это сам видел. Как-то работники Баргузинского заповедника Кеша и Миша Михалевы, Толя и Юра Татариновы вернулись с нерповки «в санную» (охота в апреле — мае, по льду) и привезли живого не раненого кумоткана, нерпенка. Они его поймали просто, он заснул мертвецки, наповал, под весенним солнышком у своей отдушины. Назвали мы его Феклой. Куда девать? Губа Давше еще покрыта льдом на десятки километров, но речка Давшинка лед в низовье пронесла, вода идет мутная. Перегородили плотинкой от Байкала, впустили кумоткана. На лютую казнь, как выяснилось, обрекли животинку! Отплывет Фекла выше по речке, остановится, и течением приносит ее обратно к плотине. Уставать стала, прижмет быстрой водой к плотине, лежит как мертвая, глаза еле открываются, красные — мутью натерло. Слезы из глаз Феклы льются. Вытащили мы ее на травяной берег, сфотографировались на память всем поселком и обязали добытчиков отвезти в даль байкальскую, найти ей отдушину — выпустить. Так что же загоняло нерпу в Енисей и Селенгу?

Взрослая нерпа-самец, по местному — аргал, массу тела имеет до 160 килограммов. В экономике местного населения цены такой зверь не имел: шкура никуда, жир несъедобный, мясо даже собаки не едят. Добывали только молодых нерп, позже стали ловить на

логовах бельков. мех у них плотный и красивый, серебристый, мясо вполне съедобно, лапы — деликатес. Известно, что такая охота заметного урона популяции не приносила. Даже и организованный впоследствии колхозный промысел не подрывал численности нерпы, Пастухов рекомендовал его даже усилить. У человека не очень подготовленного в вопросах экологии и эволюции популяций так называемых «промысловых» видов, искренне болеющего за охрану диких животных, такие рекомендации вызовут глубокое огорчение. Охотник у него — явный враг живой природы. Такие люди, разумеется, при полном к ним уважении, должны знать следующее. На основе глубокого анализа воздействия промысла на популяции «промысловых животных» (белка, соболь, лось, козуля, нерпа и др.) ученые охотоведы и зоологи установили поначалу удивившую их закономерность: чем больше (до определенного предела, конечно) добывается животных, тем интенсивнее размножается популяция. Было также установлено, что для такого положения в животном сообществе в первую очередь должны добываться особи строго определенных возрастных групп. В этих выводах есть обескураживающая, даже неприемлемая для того — неподготовленного — природоохранника норма: добываться должен прежде всего молодняк, не исключая и самок. По обывательской логике — разбой, браконьерство. Но дикие животные — это материальный ресурс, и человечество от него не скоро еще откажется. Обилие крупной дичи в европейских странах достигнуто этим путем, а вовсе не абсолютной охраной, как многие полагают. Конечно, так называемая «промысловая нагрузка» на сообщество того или иного животного должна быть результатом точных научных исследований, что в Европе и делается. Тут важно не подорвать воспроизводственных способностей популяции, проще говоря, не уничтожать зрелых, полноценных производителей — самцов и самок. В промысловую пробу должны соответственно входить молодые и совсем старые животные с малым воспроизводственным потенциалом. Стихийно это-то и происходило с байкальской нерпой (не добывали

взрослых), что определяло стойкую численность поголовья в течение длительного времени. В нерпичьем сообществе, таким образом, усиленно работал механизм восполнения убыли за счет усиления воспроизводства потомства.

Коснусь теперь вопроса, как живет нерпа в своем Байкале. В мае сели мы на мотоциклы и поехали через Байкал на его северо-западное побережье. Чуть ли не с первого дня работы в Баргузинском заповеднике мечтали повидать загадочный, совсем необитаемый, как мы знали, берег у подножия Байкальского хребта. Скажу, что именно тогда у Олега Гусева и родилась идея создать там Байкало-Ленский заповедник, что осуществилось во многом его усилиями ровно через тридцать лет. Не доезжая до мыса Елохина километров десять, оставили мы мотоциклы и стали искать путь через полосу торосов. Я, поглядывая в сторону боковым зрением, увидел, что товарища моего нет, его как смахнуло со льда. Подскочили на выручку, помогли выбраться. Обследовали забитую льдом полынью. Это оказалось логово нерпы.

В ноябре грозно бушует Байкал, борется с возникающими полями льда. Вспыхнет на двадцать, а то и больше метров в секунду северо-западный ветер, разломает кое-где возникший лед, яростно раскрошит, разбросает по волнам. Глядя с берега на черную, тяжело качающуюся, задавленную снеговыми тучами, ревущую даль Байкала, я все думал: где и как переживает нерпа этот ад? А её там нет, и никогда не было! Нерпы образуют многочисленные скопления, по-местному урганы, на кромках ледяных полей там, где их не может разбить ветер: в горлах заливов, в приустьевых участках рек — притоков Байкала. Таких мест немного, но на них должны уместиться все нерпы, вот откуда там массовые скопления. Но время это не длительное, мороз делает свое дело быстро. Вскоре самое тяжелое время позади: ледяной припай с каждым днем все дальше уходит от берегов, нерпа идет за ним и вскоре рассеивается по простору моря. В это время животные

определяют места, где будут их логова, на участках наметившихся торосов и станových трещин. Обогревая частым своим присутствием облюбованный участок, нерпа не дает ему снизу от воды замерзнуть. Постепенно там, в толще льда образуется небольшая камера. Сверху же на некоторую, тоже небольшую толщину лед намерзает и закрывает жилище. Торосы заметает снегом, и теперь они утеплены еще и сверху от жгучих ветров и трескучего мороза. Тепло в зимовье! Так совершается таинство перехода нерпы к жизни во льдах. С течением времени она затем делает себе ещё и несколько отдушин — продувает, проскребает когтями лёд, но не монолит, где попало, а в ослабленных участках, в торосах, в щелях, забитых утепляющим сверху снегом. Словом, создается индивидуальный обитаемый участок, целое хозяйство, за которым надо постоянно ухаживать, поддерживать в порядке, чтобы не промерзло. Для этого-то у нерпы такие мощные когти. Мертвое, безжизненно-белое бесконечное пространство Байкала, овеваемое жгучим хиузом. На горизонте — низенькие цепочки горных хребтов, прорезанные ломаными полосками крутых каменных траверзов и осыпей. Шелестит жесткий ветер, прогоняя от подошв обуви песчинки снега, — ты идешь по льду вдали от берегов. И всего-то в метре, а то и меньше, мертвого пространства под ногами — тонко налаженная жизнь такого же, как ты, дышащего атмосферным воздухом существа! Бесконечно многообразны, удивительны, восхитительны приспособления разнообразнейших форм жизни, чтобы жить в таком тонком, порою извилистом лабиринте среди враждебных сил, благоденствует жизнь! И сохранять её мы должны прежде всего путем бережения самой этой среды жизни, не разрушая тонких стенок лабиринта. Под снегом и льдом происходит уж вовсе невероятное чудо — зарождение новой, совсем беззащитной жизни. У нерп в середине марта рождаются детеныши! Небось, не без изумления взирают нерпятки, только что появившиеся на свет, на сверкающие ледяные стенки маминого жилища. Ещё бы, кто, кроме них,

впервые видит свет божий в столь экзотической обстановке? Пол под ногами — черная жидкая бездна, потолок — матовый полумрак, стенки — замерзшее серебро. Гарантия новой жизни — толстый слой жира и наступающая весна. А она днями уже разгуливает над Байкалом, знатно пригревает, хотя ночью сама укрывается, где может, от мороза. Постепенно в апреле лед слабеет, жилища нерп подтаивают, расширяются, потолок вот-вот прохудится. А в мае может оттуда и гость нежданный пожаловать, как случилось с моим товарищем. Вскоре потолок многих нерпичьих жилищ, а точнее отдушин, проваливается, и можно выходить на лед. Черные точки в бинокль издалика видны. В теплом дрожащем или волнами струящемся надо льдом мареве блаженствуют: ворочаются, лапами размахивают. Взрослые животные, не как наша Фекла, не забывают постоянно оглядываться. Да и есть от кого поберечься, помимо людей, поискать удачи на лед выходят в мае и медведи. Они весь Байкал с берега на берег в эту пору переходят, не раз сам видел. Лед с каждым днем слабеет, вот уже и разваливается, полыньи расползаются на сотни метров, на километры. Вся нерпа на льду, иногда увидишь черное пятно вдали, в бинокль десятки насчитаешь, чуть ли не рядом возлежат. Поодаль еще столько же. Кажется, что блаженствует, соскучилась по солнышку, вот и вылезла. Отчасти может и так, но дело тут гораздо сложнее. На льду с животными происходит важнейшее событие: они перелинивают, шубку меняют. Не произойди по какой-либо причине это явление (необычно ранний распад льдов, например) — многие неприятности ждут нерпичье сообщество в грядущее лето и даже далекую пока зиму. Биологически естественный цикл нарушен, и животные не нагуливают жира, воспроизводство резко снижается. Устремляется тогда нерпа к берегам на прибрежных камнях долинять, а там всюду человек, да ещё в своих моторках, да ещё собаки на берегу. Хорошо хоть главное береговое лежбище нерпы — острова Ушканьего архипелага — ныне особо охраняемая территория, национальный парк, да заповеданы участки берега в Байкало-Ленском заповеднике.

Многие местные жители по невежеству полагают нерпу врагом своим: она де рыбы омуля-харюза тьму съедает, запасы подрывает. Уничтожить её в Байкале! Внешне иногда оно и верно, поднимает такой рыбак свои сети в черный день, долго простоявшие, а там в ячеях одни головы рыбы, огрызки. Чья работа, ясно без наводящих вопросов, да и дыры метровые сами за себя говорят. В таких случаях, отнюдь не частых, нерпа действительно виновата, но что же за рыба для рыбака, неделю в сетях пролежавшая? Из этих наблюдений и заключили: нерпа питается омулем, харюзом. Однако не задались вопросом, откуда у нерпы столько жира? От омуля не нагуляешь столько, хоть тонну скушай, сам с жиру не лопается, порою ни жиринки в нем нет. Питается нерпа голомянко-бычковыми рыбками, которых человек не добывает. Вот они-то, особенно голомянки, действительно с жиру «лопаются». Этих рыб, трудно представить. Но они рассеяны в водной толще и не образуют скоплений. Только нерпе их и добывать, что она и делает. Никогда не задавался я вопросом: а как нерпа спит? Как-то подсознательно считалось, что весной — на льду, летом на камнях, ну, а зимой само собой — в логове. Оказалось, спит она предельно оригинально, подводные исследователи в скафандрах видели: от поверхности медленно, пассивно «тонет», опускается вертикально. На какой-то глубине, не большой, оживится, подработает ластами, всплывет. Вздохнет и снова погружается. Это, видно, все равно, что зимой у костра спать: дрова часто подправлять надо. Так живет в Байкале это древнее-древнее чудо. Пролетели над ним миллионы лет, дай Бог, чтобы ещё столько же. Только бы мы, люди, не мешали ему своим невежеством, жестокостью, безответственностью, глупостью.

ОСЕНЬ В КЕДРОВНИКЕ

Конец августа — начало сентября — время созревания кедрового ореха. Немного раньше озолотились и миниатюрные шишечки внука кадра — кедрового

стланика. Стланик растёт повыше в горах, и при урожае в его зарослях собирается всё население тайги, способное оценить вкусные, питательные орешки.



Урожай кедра и стланика первыми обнаруживают, конечно, кедровки, их называют ещё ореховками.

В поисках урожайных мест птицы, собравшись иногда в очень большие стаи, «толкаются» над лесами: туда пролетят,

сюда. Однажды низко над лесом моего поселка Утулика они пролетали три раза, богатый урожай ищут. Но не нашли, урожайнее места случились на Тункинских горах, и кедровки собрались там. Поторапливайся, заготовитель! Ореховки слетаются в урожайные места «со всего света». Идешь зимою, весною по тайге, за день и одну-то не всегда увидишь — рассеиваются по бескрайним лесам. Но в кедровниках эта птичка величиною с голубя собирается сотенными стаями, и они могут «съесть» любой урожай за считанные дни. Бывало, заедет бригада добытчиков ореха в расчете хорошо поработать дней десяток, но налетела стая-туча и «убрала» урожай — тонну — за три-четыре дня. И что — кедровки съели все орехи?! Ничуть, они растаскали их по тайге и попрятали. Великий, сравнимый с муравьиным труд! Под клювом у кедровки есть кожаный мешочек, куда входит несколько десятков отборных орехов. И вот, с рассвета до заката птицы, набив орехами свою «авоську», отлетают до десятка километров и прячут их по несколько штук в лесной подстилке. Отборные орехи птица узнаёт, нажимая клювом: некачественный мягче, и она его отбрасывает. Работа эта происходит молча, обычно крикливые ореховки — родня, всё же, воронам — при заготовках помалкивают: некогда горланить. Вторым из заготовителей ореха, пожалуй, можно назвать белку, за нею бурундука, а далее уж всю рать мышевидных, и соболя, и даже птиц, вплоть до ворона. Даже кабан — свинья дикая. Это что! Кабан всё-таки всеяден, но вот кабарга! Даже этот олешек оценил кедровый орех. Оно и понятно, в нём почти 70 процентов жира, больше, чем в орехе кокосовой пальмы. Никто кроме кедровки, белки, бурундука и иногда медведя по деревьям не лазает, они находят упавшие от ветра шишки. Правда, за шишками стланика на невысокие кусты лазит ещё житель высокогорья сурок черношапочный. Сурок — это желтоватый такой мешочек жира на коротких толстеньких лапках, никак не приспособленных к лазанью по деревьям. Как он там только ни балансирует, чтобы не сорваться! Падает и снова лезет — упорство рано или поздно вознаграждается.

Кедровка и белка, пряча орехи в лесную подстилку, помимо заготовки на зиму себе и всем, кто найдёт, занимаются «лесопосадками». Бывало, увидишь в лесу, даже и далеко от кедровника, плотный густо-зеленый пучочек нежных хвоинок. Это взошла не обнаруженная нахлебниками чья-то посадка. Пройдёт около ста лет — и здесь будет стоять могучий кедр. Кедровники — леса богатейшие, при урожае там живут соболя и все, кто питается мышевидными грызунами. Грызуны в зарослях кедрового стланика, закрытых высоким снегом, и зимою размножаются.

О роли урожая кедра в жизни медведя надо сказать отдельно. Конечно, и эти животные подтягиваются в кедровники. На деревья лазят только молодые; обламывая ветви, бросают их на землю, спускаются и начинают пир. Но работают по-медвежьи грубо, не по-хозяйски, часто сламывают вершинные ветви, и дерево это хорошо плодоносить уже не будет. Я должен был пройти по маршруту: Куреты — Аринжалга — Самсалты — зимовьё на Малом Задое. Зайти в вершину Полуденного Тойсика. Всё это на отрогах Восточного Саяна, это зона богатейших кедровников. В паняге продукты на несколько дней, топор, карабин и другое полевое снаряжение. Ход тяжелый, и, заметив ближайшую валёжину, устроился передохнуть. Тут с ближайшего дерева донеслось коротко, часто повторяющееся: шак-шак-шак! А, узнаю — так вниз головою с дерева спускается белка. Вот она выскочила на мою сторону, во рту шишка. Не заметив мою неподвижную фигуру, прямо на корне этого ствола села, взяла передними лапками шишку и шустро начала выуживать орешки. Набрав их в рот, круто развернулась и, оставив шишку на месте, проскакала несколько метров. Там она разрыла хвою, часто и быстро сунулась туда мордочкой, деловито забросала клад и подскочила к оставленной шишке. Так произошло несколько раз, и всегда белка, удалявшаяся порой и на десяток метров, к шишке возвращалась не разыскивая её, не приглядываясь, а выходя точно. Это что же за способность! Ведь с её-то ростиком в густом кустарнике, в зарослях брусники,

пожухлого разнотравья шишку так просто увидеть невозможно. Всегда поражаюсь точности ориентировки разных зверей в лесу. Наблюдая за белкой, несколько дальше и в стороне, уже некоторое время держу на слуху другой звук. Вскоре он стал явственнее и теперь насторожил, этот звук мне тоже знаком: в кору дерева врезаются очень сильные когти. Пододвинув карабин поближе и даже взяв его в руку, я медленно беззвучно выпрямился. И увидел картину, в точности повторявшую шедевр Шишкина «Утро в сосновом бору». Метрах в сорока ниже по склону неторопливо, часто останавливаясь и наклоняя голову к земле, шла мамаша, и крутилось возле неё три медвежонка. Медвежата ростом уже с крупную собаку, изредка они воодушевлялись, видимо, запахом смолистых шишек на дереве и пробовали влезть повыше. Но отчего-то интерес лезть к вершине у них вскоре пропадал, и они, не разворачиваясь головой вниз, быстренько спускались. Между ними и матерью шел тихий разговор в виде отрывочного ворчания и чего-то похожего на пощёлкивание языком. Мать находила упавшие шишки и приглашала детушек отведать орехов. Мне не видно, как они их добывают из шишки, но я знаю: взрослые медведи, давнув её лапой, берут в рот и языком сортируют: крышечки летят на землю, орехи разжёвываются. Мне бы тихо проводить это мирное семейство, как бывало, но ведь они идут почти прямо ко мне, а медведица с медвежатами очень опасна, и лучше, если она обнаружит постороннего подальше от медвежат. И я, держа взведённым затвор карабина, негромко, как вспоминал после, слегка подрагивающим голосом сказал: «Куда идёшь?» Я был готов к тому, что медведица тотчас бросится ко мне, но произошло другое: она рывком встала на задние ноги и, как мне показалось, вполне мирно воззрилась на меня. Так продолжалось секунд пять, затем она так же быстро и молча опустила на все четыре и задала дёру вниз по склону. Туда же запрыгали и медвежата. Я после вспоминал, что, когда на дыбы встала мать, тотчас выстроились столбочками и медвежата, кто где стоял.

На кедровых и стланиковых орехах медведи для зимовки

накапливают жир, который в хороший год составляет до одной трети массы хозяина. В такие годы весной в берлогах медведи лежат дольше обычного, а выйдя, вновь направляются в кедровник, где «на полу» бывает ещё много шишек.

На плоском водоразделе Тана-Безымянный на верхних притоках Кулинги есть небольшая площадь, занятая молодым кедровником. В какой-то год случился в нём хороший урожай ореха, и я, оказавшись там на полевых работах в сентябре, несколько ночей провёл на огромном, разрытом медведем до основания и оттого погибшем муравейнике. Все ночи даже при полном безветрии вокруг моего костра-ночлега шумно падали шишки, и один день я выделил для их сбора. Собирать было не во что, и из жёрдочек пришлось соорудить топором сусек на пять-шесть кулей, который поднял на толстые сучья на пару метров над землёю. Почти не надеясь найти нетронутым свой сусек — что это за защита от медведя, ерунда — зимою я заглянул в те места. Сусек целый, в него не прогрызлись даже белки! Это значило, что «на полу» много шишки. Весною, как сошёл снег, я устремился в этот кедровник «на паданку». Но ещё на дальнем подходе к кедровнику стали попадаться свежие следы медведей. Там бродила медведица с одним медвежонком, крупный одиночка-самец, конечно, и два прошлогодка без матери. С очень дальних краёв собралась, значит, эта компания. И как узнали, что в этих местах есть паданка — упавшая шишка? Ночевать на своей прошлогодней постели я не стал — шишек в лесу почти не было. Дикая животные, и медведи в том числе, конечно, по каким-то неведомым нам признакам многое узнают в природе, а уж где-то случившийся урожай кормов — непременно и точно. Много «рассказывает» поведение птиц: воронов, соек, кедровок. Умей читать, всё в тайге знать будешь! Всегда с глубокой печалью переживаю весть о горящих где-то кедровниках. Какое гибнет богатство... Какая бурная, интересная жизнь царил бы в них урожайной осенью. Хотя бы один раз в несколько лет, когда случаются добрые урожаи в соответствии с их цикличностью

Распутин В.Г.

На реке Ангаре

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мальчику исполнилось шесть лет, и не просто исполнилось, а именно в этот день — Первого мая. Ледоход обычно тоже приходился на конец апреля – начало мая. Ему, мальчишке, мало было того, что его день рождения столь удачно совпал с праздником, ему ещё хотелось, чтобы к этому дню обязательно тронулся лёд на Ангаре.

С раннего утра Первого мая он сидел на берегу, вглядываясь в посиневший, вспучившийся лёд. Никогда ещё не приходилось ему видеть первый, решающий толчок, который срывал лёд с места, и теперь он ждал его с нетерпеливым вниманием, больше всего на свете боясь, что день кончится раньше. Где-то в деревне пели, ярко светило солнце, с низовий даже и не дул, а легонько плыл над рекой мягкий, ровный ветерок, донося откуда-то свежий и прохладный вербный запах только что освободившейся воды. Река беспокойно возилась, покачивалась, вздыхала. Порой изнутри доходил глухой, утробный шум, затем раздавался быстрый и сильный, как выстрел, треск, и по льду вспыхивали трещины. Вот-вот всё это должно было сорваться с места, закружиться, зашуметь, поплыть, но стояло. Держалось какими-то силами, цеплялось за что-то, упиралось, но никуда не двигалось. Весь день он прождал понапрасну, вечером его с трудом увели домой.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Среди ночи он проснулся от неясного дальнего гула, который то затихал, то вдруг возникал снова. В другой раз шестилетний мальчишка наверняка тут же спрятался бы от него с головой под одеяло и постарался скорей уснуть, но теперь последняя надежда заставила его пересилить страх и подняться с постели. Следуя какой-то посторонней властной силе, он ощупью добрался до двери, неслышно приоткрыл её и выскользнул на улицу. И небо, и земля были затянуты сплошной,

кромешной теменью, сквозь которую ничто нигде не проступало, но дорогу к реке он знал и с закрытыми глазами. Смешно и неловко подпрыгивая, боясь налететь на забор, но ещё больше боясь идти шагом, он бросился на берег.

Здесь было светлее. Ото льда поднималось слабое серое мерцание. И в нём он легко рассмотрел, что река как стояла, так и стоит. Ничего в ней с вечера не изменилось. Она даже как-то успокоилась, притихла.

Где-то далеко в тайге зарокотало, набрало силу и покатилося, покатилося прямо на деревню, грозя раздавить и смять её, и только чуть-чуть не докатившись, развалилось. Надвигалась гроза. То, что он принял за шум реки, было громом небесным, первым в ту весну, родившимся неожиданно и поначалу негромко. Вспыхнул и тут же погас короткий свет молнии, и снова направился гром, выпрямляясь в своём движении над рекой, и снова застрял неподалёку от деревни.

Небо теперь было могучее и страшное. По краям, сливаясь с землёй, оно уходило в бесконечную темь, сверху написало огромной беспокойной тяжестью. В нагромождении туч, двигаясь и меняясь, зловещей синевой пылали какие-то полосы и пятна. В промежутках между ударами грома, когда наступала тишина, с высоты доносился невнятный, едва уловимый, шум – не то шуршание туч, не то приглушённый свист ветра.



Гром гулял уже над самой деревней. Он начинался неохотно, лениво, словно не зная, стоит или не стоит греметь, но, растравив себя ворчанием, вдруг делал мгновенный и яростный прыжок в сторону и тяжело, натужно лопался, взрывался, разбрасывая вокруг множество гремящих осколков. Не успевал отшуметь один раскат, возникал другой.

Гроза, добиваясь дождя, всё накалялась и накалялась. Небо из совершенно чёрного, непроглядного стало тёмно-багровым и выделилось чётче. Гром бил размеренно и зло, без той сдержанности и игривости, что были вначале, он взрывался сразу и, не ослабляя, гнал этот взрыв, покуда где-нибудь в другой стороне не вспыхивал новый. Всё вокруг было заполнено только грохотом, подстёгиваемым частыми взмахами молний, всё сжималось и трепетало перед ним, а ему уже не хватало пространства, он задыхался от ярости...— вот-вот должно было произойти – что-то и совсем уж страшное.

ЛЁД ИДЕТ!

И оно произошло. Молния хлестнула, как обычно, тонким, длинным росчерком, но не погасла, а вдруг, словно запутавшись, закружилась, заплясала и разошлась широким концом, обнажив жуткий голубой огонь. Бешеной, небывалой силы грохот сразу же охватил всё небо, раздирая на части, — оно треснуло и обвалилось.

Мальчишка закричал и упал, не смог устоять, но сразу же опять вскочил на ноги. Он услышал, хотя не в состоянии был ни слышать и ни видеть, каким-то чудом он услышал, как звук раздираемого неба слабей и легче, но тот, тот самый звук повторился где-то неподалёку от него. В неожиданно-радостном предчувствии он вскинул голову и увидел, как, ломая лёд, выносит середину реки. Её только-только сорвало, её полоса была совсем неширокой.

И сразу же упал дождь. Гроза стала быстро отходить, молния взблескивала лишь в одной стороне, на самом краю неба, туда же, совсем присмирив, переместился гром. Небо потемнело и притихло. Из него сыпал дождь.



...Ещё несло льдины, лёд лежал на берегах, а ребяташки уже забрасывали в мутную зеленоватую воду перемёты. Вскрывшаяся река была полной и нетерпеливо-быстрой, от её открытого свободного движения вокруг становилось сразу просторной и выше; в звонком и легком воздухе со свистом проносились стрижи, снижаясь и чиркая о воду белыми брюшками; звучала капель из нависших над каменишником тяжёлых ледяных козырьков; весело и широко играло солнце. Было какое-то особое – чуткое и тайное счастье в том, чтобы, чуть приподняв нитку перемёта над водой, слушать, как тыкает рыба наживку; в волнующем ожидании замирало сердце, и весь огромный

мир сходил в одну эту тонкую нитку, по которой передавались толчки.

Скоро река выправлялась, освободившись от всего лишнего, чужого, снесённого в неё с гор шалыми весенними речками и ручьями; вода в ней становилась тёмно-голубой, прозрачной, так что далеко было видно дно; течение натягивалось, находило свою неторопливую, спокойно-быструю силу, которую могло сбить только долгое ненастье.

НА ТЕПЛОХОДЕ

В своё первое путешествие мальчик тоже отправился по реке... За окном теплохода, за неширокой полосой воды, всё скользил и скользил берег, за кормой удивлённо и неохотно вскипала вода и, подобравшись, катила на две стороны волны. Берег часто менялся: то низкий, ярко-зелёный, на свежей зелени пасутся коровы, то за поворотом сразу яр, наверху постройки, вниз, к воде и лодкам, ведут ступеньки, возле лодок прыгают, что-то кричат и машут руками ребяташки, возле домов, прикрываясь от солнца ладошками, стоят взрослые.

Вот и солнце ушло, на берега легла сплошная густая тень, и только у самой воды, узкой полоской желтел каменишник. Горы вдали, молчаливые и низко сгорбленные, заволакивало серой, едва уловимой дымкой. Кое-где уже пробивались огоньки, но, помигав, пропадали, растворялись в неверном и зыбком свете сумерек. Небо казалось подтаявшим, размытым, звёзды на нём еще не проклюнулись, горизонт мягко и невидно сливался с землёй. Мерно и приглушённо шумела за бортом вода, да от катившейся по камням волны долетало осторожное и ленивое журчание.

Мимо, совсем близко, прошумел остров, высокий и закруглённый, как баржа. Как хорошо теперь на островах, где поднимаются мягкие и нежные, будто мех, травы, и особенно ярко и щедро цветут цветы. От ветров гнутся в одну сторону деревья, но стоят крепко, кряжисто, широко раскинув цепкие и тугие корни. Возле воды заросли ольхи и

тальника, а дальше ягодник – больше всего смородины. И всегда на острове возникает удивительное – обманчивое и одновременно верное ощущение движения, словно ты на корабле, на пароходе, плывущем медленно и важно. Знаешь, что стоишь на твёрдой земле, но под ногами, передвигаясь, мелко подрагивает, поворачивает то влево, то вправо, и ты уже не в состоянии сопротивляться – плывёшь куда-то осторожно и загадочно.

Ночь на реке. Звёзды, ещё не назрев, были по-весеннему далёкими и мелкими. Зато луна, круглая и полная, висела под небом совсем низко и празднично. В её серебристом свете всё вокруг лежало в блаженном оцепенении, и только река, в глубине которой отражалось ночное небо, сверху отсвечивала зелёным надменным сиянием.

С неба сорвалась звезда и, прочертив горящую линию, погасла. И тут же невесть с чего, как спросонья, коротко и жалобно хныкнул гудок теплохода. В отходящей к берегу волне, удлиняясь в свечки, играли звёзды. Встречный ветер, треплющий освещенный прожектором флаг теплохода, дул поверху и не тревожил речную гладь. Изредка сбоку возникали жёлтые или красные огни бакенов, возле них шумела вода.

Широко и ярко гуляла над землёй ясная майская ночь, но на востоке, там, где заниматься заре, начинал слабеть край неба. Шёл новый день...

ЗА РЕКОЙ

Летом они всей семьёй уплывали за реку на сенокос, брали там ягоды, потом грибы. Мальчик выпрашивал себе у бакенщика два ближних к сенокосному наделу бакена, по вечерам зажигал их, по утрам гасил, научился по хуже взрослых подниматься в лодке на шесте, управляться с одноручным веслом. Ему доставляло неустанное, бесконечное удовольствие бывать на реке, заглядывать в её жуткую, заманчивую глубину, в сильный вал, испытывая своё счастье, сталкивать лодку и грести от берега, всё дальше и дальше, взлетая и проваливаясь в волнах, а затем, удачно вернувшись, считать себя победителем и думать, что река после этого сразу стала спокойней.

В ЛОДКЕ

В тёмные осенние ночи дедушка брал мальчика с собой лучить. В носу лодки ярко и бойко горело смольё. Дедушка, широко расставив ноги и терпеливо вглядываясь в воду, стоял подле огня с наготовленной острогой, а он, сидя в корме, бесшумно правил веслом. Река устало и глухо сносила их вниз. В тяжёлом металлическом цвете воды слабо поблёскивал опавший лист. Лопались и меркли пузырьки. Где-нибудь посреди реки невесть с чего в спокойную погоду долго держалась на одном месте длинная полоса зыби, мерцающая непонятным волнением, которая затем так же неожиданно, как и появлялась, исчезала. Было сыро и зябко, огонь лишь дразнил недостающим теплом, но было и тревожно-сладостно, необыкновенно на душе от проплывающих в строгом молчании склонённых с берега кустов, от таинственных всплесков, возникающих то здесь, то там, от дальнего крика ночной птицы, от сказочной пляски огня, на который где-то мчится и никак не может остановиться ошалевшая от его сияния рыбина.

336 И ОДНА

Тайга никогда не волновала мальчика и не питала, как река. Тайга оставалась на месте, между тем как река могла исчезнуть, уплыть, кончиться, обнажив на память о себе голое каменистое русло, по которому станут бегать собаки. По утрам, боясь признаться в этом даже самому себе, он осторожно шёл проверить, не случилось ли что-нибудь с рекой, и не понимал, почему это больше никого не тревожит, почему все спокойны, что река и завтра будет течь так же, как текла вчера и позавчера.

Потом взрослые люди объяснили ему, что его река особенная, не похожая на обычные реки, которые начинаются с маленьких ручейков, а затем, набирая воду, принимая на себя всё новые и новые притоки, становятся широкими и полноводными, такими, какие они есть. Его же река вытекает из огромного озера, даже моря, из знаменитого Байкала, богаче и красивей которого во всём мире ничего нет. В Байкал впадают

336 больших и маленьких рек, а выносит эту воду одна Ангара. Поэтому она не может кончиться, объяснили мальчику. Он представил себе 336 рек и свою реку, с восхищением подумал о её силе и успокоился. Нет, его река, не похожая на все другие, умереть не может.

Он был ещё мальчик и других опасностей для реки не знал.



КАК ЖИВЁШЬ, МЕДВЕЖОНОК?

МЕДВЕДИЦА

Однажды осенью мимо огромного старого кедра шла медведица. Его корни крепкими узлами высунулись из земли. Медведице очень понравилось, что между корнями сухая земля и много свободного места. Она вырыла здесь глубокую, просторную берлогу и за-легла в

ней. Спать придётся долго: всю зиму. Медведица закрыла вход в берлогу большим пучком тонких веток. Их она набрала поблизости и подсушила на солнышке.

Вскоре упало много снега. Он закрыл всё вокруг, и никто в лесу не знал, что под старым кедром спит медведица, у которой длинные кривые когти. Такие когти бывают у всех медведей. Ими очень удобно переворачивать в лесу камни, раскапывать норы мышей, отдирать кору с лежащих деревьев. Под камнями и корой прячутся разные лесные насекомые. Насекомые — очень вкусная пища медведей.

Медведица спала долго. Несколько месяцев. Ей было не холодно и снились хорошие сны. И вот пришёл февраль. Днём в лесу стало пригревать. Ярко светило солнышко. Маленькая зимняя птичка гаичка целый день радостно пиликает. Её радует, что скоро весна. Весело заискрились хвоинки старого кедра. Они тоже почувствовали весну. Но самое интересное произошло в берлоге.

РОДИЛСЯ МЕДВЕЖОНОК

У Медведицы родился Медвежонок! Медведи не дают имён своим детям, это у них не принято. Поэтому сына своего Медведица-мама назвала просто: Медвежонок.

Медвежонок родился очень-очень маленьким. В сравнении со своей мамой он был вроде резинки — школьного ластика рядом с портфелем! Наверное, кто-нибудь спросит: «Почему он такой маленький, ведь медведи вон какие большие!» Но подумайте, если бы он родился большим, ему и молока надо много. А где его взять? Мама же ничего не ест, никуда не ходит. В лесу везде снег лежит. До времени выхода из берлоги почти два с половиной месяца!

Медвежонок родился слепым, как котёнок, но был уже в шёрстке. Шёрстка — тёмно-коричневая, тёплая. А вокруг шеи — беленький шарфик. Медвежонок будет носить его целых два года. Всё это время он будет жить с мамой. Так заведено у медведей. Шёл день за днём. Снег в лесу постепенно таял. Становилось всё

теплее. Побежали ручейки. Освободились от снега целые полянки. Медвежонок уже заметно подрос. У него открылись глаза, и он всё видел в темноватом сумраке их жилища. Мама не напрасно сделала такую просторную берлогу. Медвежонок мог немножко бегать в ней, цепляясь когтистыми лапками, лазить по мягкой маминой спине. Мог проскочить вдоль стенок. Медвежонку очень нравилось подергать свисающий с потолка тоненький корешок какого-то растения. Мама не позволяла только высовываться наружу. Но сама она уже два раза выглядывала из берлоги. И один раз даже вышла. Посидела около входа. Медведи сидят точно так же, как собаки. Все ребята видели, как сидят собаки? Медведица щурилась на яркое солнышко, чутко прислушиваясь к лесным звукам. Нет, выходить было ещё рано. Есть в лесу пока нечего.

ВЕСЕННИМ ДНЁМ

Однажды утром около берлоги раздался очень громкий звук: бьяв-бьяв-бьяв! Медвежонок испугался. Ему показалось, что в берлогу кто-то ломится! Он ещё не знал, что медведи — самые сильные звери. Они никого не должны бояться. Сильнее их только человек с ружьём. Кричал же самец козули. Это он испугался. А испугал его сильный медвежий запах. Он шёл из берлоги. Медведица высунулась из берлоги. Она хотела хорошенько рявкнуть на него, но он уже убежал. И тут между толстых, лохматых ног Медведицы показалась маленькая голова. Уши поворачивались в разные стороны. Маленькие блестящие глаза-пуговицы удивлённо тарацились на яркий свет. Как хорошо на воле! Отовсюду разные звуки. Кругом стоят таинственные неподвижные фигуры. Это обломки больших камней, упавшие и стоящие деревья. Торчали корявые, узловатые корни кедра. Медвежонку показалось, что и они с интересом рассматривают его. Мама пощёлкивала языком: «Так-так». Она всё время потихоньку ласково ворчала «Врр-врр». По-медвежьему это значило: «Подойди сюда». «Можно поиграть на улице». Медведица потянулась, широко разинув пасть, зевнула и села около берлоги. Медвежонок совсем осмелел. Он прошёлся вдоль упавшего

дерева и царапнул лапкой по коре. Кора с треском отломилась и упала под ноги. Если на неё наступить, она приятно хрустит. Медвежонку это понравилось, и он долго топтался на месте. От кусочка коры остались одни крошки. С дерева свисала тонкая веточка. Медвежонок дотянулся до неё носом и подёргал. Вдруг на соседнее дерево села кедровка. Она взъерошила перышки и удивлённо посмотрела на Медвежонка. Он показался ей таким маленьким, что она закричала на весь лес: «Поглядите-ка, ну и медведь! В жизни не видала таких! Кто б сказал, не поверила бы! Тра-тра-тра! Кри-кри-кри!» Кедровки долго никогда не удивляются. Вот и эта удивилась и сразу улетела.

Медведица стала прохаживаться около берлоги. Как только она отходила от Медвежонка на пять-шесть шагов, он быстро подбегал к ней. Малыш боялся отстать и потеряться. У всех медведей так. Маленькие медвежата всегда бегут возле мамы и никогда не теряются. Прогулка у берлоги продолжалась недолго. Медведица заметила, что Медвежонок лёг на камень и собирается уснуть. Тогда она позвала его: «Так-так». И они пошли домой. Медведицы никогда сразу не покидают берлогу. Несколько дней не только в хорошую, но и в плохую погоду они выводят детей погулять, окрепнуть, закалиться. И медвежатам это очень нравится. Забавно, что в свои берлоги медведи входят задом наперёд.

Но не всю же весну сидеть около берлоги! И вот настал этот день. Утро было тихим и тёплым. Медведица решительно вылезла наружу. Медвежонок за ней. Она подняла голову и несколько раз сильно вдохнула. Надо было узнать, нет ли кого поблизости лишнего. В лесу никого не было. Где-то тихонько журчал ручеёк, и вдали шумела река. На земле лежали хвоинки, листья, сухие веточки, шишки. На муравейнике никого не было. Муравьишки ещё спали. Снега в лесу почти не осталось.

Медведица отошла от берлоги. Там росли маленькие ели. Три из них она сломала, взяла передними лапами, встала на задние — все видели, как ходят медведи в цирке? — и принесла к берлоге.

Медвежонок бегал за ней. Ему было интересно: что мама делает? А мама взяла ёлочки и засунула их в берлогу. Она закрыла вход, чтобы никто не заметил их жилища. Вход в медвежьи берлоги охотники называют челом. Всем интересно подойти и посмотреть, что там? А если это другой медведь? Он может осенью прийти и устроиться здесь на зиму. Придётся делать новую берлогу. Так что лучше уж замаскировать её.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

И вот началась новая жизнь. Лес у берлоги рос на высокой горе. А вдаль виднелась широкая белая полоса. Это был Байкал. Лёд на нём ещё не совсем разошёлся. Медведица знала, что идти надо туда. Я вам скажу почему. Солнышко, как знают все, встаёт на востоке и сразу же начинает пригревать горки, которые смотрят на него. Это восточные и южные склоны. Их солнышко греет целый день. Не то что склоны северные. Раз здесь тепло, значит, хорошо трава растёт, много разных насекомых летает и бегают, под камнями и в гнилушках живут большие и маленькие чёрные муравьи — всё это вкусная медвежья еда. Вот зачем сюда торопилась Медведица со своим Медвежонком. Она останавливалась, переворачивала лапой плоские камни, рылась в земле. Медвежонок иногда забегал немножко вперёд. Но мама сразу же просила вернуться, она говорила: «Так-так». Она негромко щёлкала языком. Эти и другие звуки — слова медвежьего языка — Медвежонок уже знал.

Вот на пути стоит каменная гряда. Что за ней, не видно. Надо скорее посмотреть. Медвежонок выскочил вперёд. И не успела мама его окликнуть, как сверху раздался ужасный шум! Медвежонок так испугался, что прижался к земле! Но тут в два прыжка рядом оказалась мама. Она была страшной. Шерсть встала дыбом! Глаза сверкали, и она громко фукала: «Фу-фу-фу!» Это означало: «Что это здесь такое?! Вот я сейчас!» Бедный Медвежонок всё ещё лежал на земле. Но теперь мама спокойно сказала: «Фук» — и он понял, что ничего не произошло.

Можно идти дальше.
Кто же так напугал его? Это был большой чёрный глухарь. Глухарь сидел на дереве и смотрел в разные стороны. Ему далеко всё было видно. Вон дальние горы. Вот — поближе — Байкал. А вот идут два медведя. Один большой, другой маленький. Таких глухарь однажды видел. Медведи, когда сидишь на дереве, не опасны. Но они идут прямо сюда! А этот — маленький — подбежал под самое дерево. Что у него на уме? Нет, надо улетать. И глухарь улетел.

МЕДВЕЖЬЯ ДУДКА

Вот подошли медведи к большой поляне. Она была зелёная, потому что на ней росла свежая трава. Траву медведи едят всё лето. Но не всякую. Самая любимая весной — остролодка. А летом медведи едят свою «морковку». Она называется медвежья дудка. Дудка вырастает такая высокая, что медведя не видно. Он ходит там и срывает сочные верхушки. Он всё слышит, а его никто не видит. Медведи любят, когда их никто не видит и не слышит. По лесу они ходят тихо. И только если испугает человек с ружьём, они удирают с сильным треском.

Медведица тихо пошла вдоль поляны. Медвежонок косолапил рядом. Косолапят все медведи. Это у них походка такая. Так удобнее долго идти по лесу. Медведи ходят целый день. Особенно рано весной, когда в лесу ещё мало корма. Не везде ещё проснулись насекомые, и не все выросли травы.

Медвежонок попробовал какую-то травку. Она была жёсткая и горькая. Медвежонок пожевал её и отбросил. Смешно наклонив голову, так что ухо легло на землю, он сорвал другую. Такую-то и ела мама! Это оказалась остролодка. Она была сочная и сладкая. На поляне её росло немного. Не сразу найдёшь. Медвежонок много бегал и скоро устал. Он хотел было лечь рядом с мамой, но увидел жука. Жук полз по коре дерева и шевелил усами. Надо было его прихлопнуть и съесть. Так Медвежонок и сделал. Это была вторая его добыча! Подкрепившись маминым молоком, он уснул. Уставшие медвежата спят очень крепко.

Наш Медвежонок даже не слышал, как с соседнего дерева упал отломившийся сучок. Сухой сучок подпрыгнул на крутом склоне и легонько стукнул Медвежонка по боку. Он только вздрогнул, но не проснулся.

Прошло часа два. Медведица изредка вставала, смотрела на поляну, на Медвежонка и ложилась снова. Её что-то беспокоило. Наконец она тихонько прижала носом Медвежонка, и тогда он проснулся. Они снова вышли на поляну и стали есть траву. Медведи едят траву совсем не так, как олени. Олени стоят и жуют, чуть шагнут и снова стоят. Медведи же это делают прямо на ходу. Сорвут травку и сразу идут дальше.

ВКУСНЫЕ МУРАВЬИ

Среди кустов ольхи стоял гнилой пень. Он бы рассыпался, но его, как воду в стакане, стенками держала кора. Кора была толстая и прочная. Она долго не гниёт. Такие пни медведи очень любят. В них всегда живут какие-нибудь насекомые.

БУРУНДУК

Вскоре никаких насекомых не осталось. Был вечер, время длинных теней. По склонам легли тени соседних гор. Деревья, которые росли рядом, тоже дали тени. Тёмными стрелами они легли на поляну. Медведи вошли в тёмную тень от скал. Солнце скрылось. Небо закрыли тучи. Стало тихо-тихо. Даже не слышно, как внизу у Байкала кричат чайки. Кругом были большие камни, и ничего не видно. Вдруг Медведица встала на задние ноги и прислушалась. Медвежонок тоже встал столбиком. Так медведи поступают всегда, когда что-то слышат, но не видят. Кто-то шуршал в сухой траве. Это оказался бурундук. Он тоже встал столбиком и увидел медведей! Как он испугался! И сразу же



скрылся в своей норке.

Вот и убежище. Под скалой сухо и тепло, как в берлоге. Медвежонок свернулся клубком около мамы. Она подвинула его лапой к себе поближе. Так прошёл первый день. Шла ночь. В лесу совсем темно. Если бы Медвежонок проснулся, он услышал бы в лесу тихий шорох. Это шёл мелкий дождик. Было совсем не холодно. Медвежонка грела ещё по-зимнему тёплая шубка.

ОПЯТЬ СНЕГ

Рано-рано утром, когда чуть только посинело небо, медведи проснулись. Медвежонок повозился около мамы и напился тёплого молока. Он вспомнил о вчерашних муравьях, жучках и зелёной траве. Ему захотелось выскочить на волю. Он высунулся из-под скалы и испуганно сел. Что за чудеса!

Медвежонок ничего не узнавал! Белыми были камни и стволы деревьев. Белыми лежали куски коры, с которых вчера он слизывал кислых муравьишек. Медвежонку показалось, что даже небо белое. Это потому, что за небо он принял склон соседней горы. Там была вчерашняя поляна с зелёной травой. А всё объяснялось просто. Под утро, когда стало холоднее, вместо дождика пошёл снежок. Он упал тоненьким слоем. Даже не слепишь снежную бабу. Такой снежок к полудню исчезает. Он стаивает. Всё-таки весна. Медведица об этом знала и не торопилась уходить. Она ждала, когда растает снег. Тогда можно снова идти есть зелёную траву.

ЛЕСНЫЕ СТРАХИ

Прошёл май. Медвежонок заметно подрос. Он совсем освоился в лесу и часто забегал вперёд медведицы. Однажды он её сильно напугал. А произошло это так. Мама и Медвежонок ходили по редкому лесу за оврагом.

На крутом склоне лежал обломок дерева. Когда-то молния разбила его на куски. Они разлетелись в разные стороны. Медвежонок бежал по склону и хотел опереться об этот обломок передними лапами, и вдруг со страшным грохотом обломок вместе с медвежонком полетели вниз! Поднялась пыль. Затрещали кусты. Застучали мелкие камешки. Медвежонок от страха или, может, от боли заревел. Медведица быстро бросилась к нему. Она подумала, что Медвежонок попал в большую беду. На него кто-то напал. А перепуганный мишка уже карабкался наверх. Он негромко скулил-хныкал.

ДОБЫЧА

Через несколько дней медведи спустились с горы, где жили. Долина была узкая и скалистая. Такие долины у нас в Сибири называют распадками. В распадке росли осины, и повсюду лежали старые прошлогодние листья. В кучах листьев жили лесные мыши. Медвежонок уже научился их ловить. Он делал так: тихонько идёт и слушает, не шуршит ли где мышка. Вот он услышал шорох. Медвежонок останавливается, замирает.



Он следит, куда мышь под листьями пробирается. Затем, совсем как кошка, прыгает туда и прихлопывает лапами. Если он промахнётся, мышка стремглав исчезает в норке. Тогда Медвежонок начинает серьёзную работу. Он раскапывает землю. Вот для чего у него, как и у всех медведей, длинные кривые когти! Лапы у медведей очень сильные. Взрослые медведи, когда выкапывают из норы бурундука, выворачивают большие — примерно с телевизор, даже с холодильник — камни! И отбрасывают их в сторону. Вот какие сильные звери — медведи. Медвежонок, когда вырастет, будет таким же. А пока он ещё маленький и многого в лесу, в своём доме, не знает. Например, он не знает, что такое сильный ветер.

СИЛЬНЫЙ ВЕТЕР

На берегах Байкала много небольших плоских камней. Под ними живут червячки, жуки, муравьи, куколки. Камни очень удобно переворачивать когтями. Сюда с гор и спустились Медведица с Медвежонок.

К вечеру над Байкалом потянулись длинные облака. Медведица беспокоилась не напрасно. Это шла непогода. Дикие звери не боятся дождя, снега или ветра. Они только укрываются в густых чащах леса. Ложатся под толстые наклонившиеся деревья. Можно укрыться среди скал. Там всегда есть укромное место. Медведица хорошо знала эти горы. Она знала, что вон за тем лесом есть скалы. Среди скал растут очень густые кусты ольхи. Там Медвежонок не промокнет, если пойдёт дождь. Все дикие животные предчувствуют непогоду за много часов. Они не ошибаются. И медведи тоже. Им, наверное, кажется, что воздух становится влажным и он не так пахнет. Надо успеть спрятаться. Медвежонок тоже чувствовал какую-то вялость. Ему уже не хотелось бегать и резвиться. Это потому что в воздухе падало давление. Как только они укрылись, с гор поползли чёрные тяжёлые тучи. Они не летели по воздуху, а ползли прямо по склонам гор, как кисель. Вид у них был зловещий. И тут раздался гул. Он становился всё сильнее. Как будто низко летит самолёт. На Байкале все знают, что это летит ветер.

С гор сорвалась сарма. Сарма — самый сильный ветер с байкальских гор.

Он засвистел, завыл в скалах, где укрылись медведи. Стало темно. Медвежонок ничего подобного никогда не слышал. Ему казалось, что мёртвые камни, деревья и корни ожили. Они визжали, стонали, ревели, скулили. Близко растущие деревья били ветвями по скалам. Как будто по лесу совсем недалеко ходили огромные страшные звери. Под их ногами хрустели камни. С оглушительным треском ломались деревья. Звери собирались достать Медвежонка! Он тесно прижался к маме. Она легонько положила на него лапу и тихо говорила: «Мрр-мрр-мрр». Сквозь навалившийся сон Медвежонок слышал: «Ничего страшного, это ветер. Он скоро кончится». И ветер скоро кончился. Небо постепенно светлело. А затем показалось солнышко. Медведи вышли из убежища. Всё было неузнаваемым. Большая старая сосна переломилась. Ветер отбросил её вниз по склону. Корни, вывернув землю, торчали в небо. Всюду валялись зелёные сучья. Со скалы упал огромный камень и укатился вниз. Там он поломал молодые деревья. Снова в лесу было светло и тихо. Но теперь Медведица не пошла к Байкалу. Она повела Медвежонка выше в горы. Туда, откуда прилетел этот страшный ветер. Там, высоко в горах, медведи будут жить всё лето. Там очень сыро, потому что всюду маленькие озёрки. Это тающий снег. По берегам озёрков много свежей зелёной травы. Много разных насекомых. Много мышей. Много бурундуков. А в норе у бурундука вкусные кедровые орешки.

ПРИШЛА ОСЕНЬ

Медвежонок рос быстро. Он уже был сильный и ловкий. Он не боялся дождя и снега. Не боялся ветра и крутых горных склонов. Это был настоящий медведь! Но мама по-прежнему звала его Медвежонком. И если она находила богатый кустик брусники, она, как и прежде, говорила: «Так-так!» Медвежонок сразу же прекращал раскапывать нору мыши и бежал к маме. И они рядом паслись на брусничной полянке. Медведи любят бруснику и голубику. Очень любят чернику. Медвежонок часто лазил на деревья, чтобы

посмотреть вдаль и поточить когти.
Так незаметно пришла осень. Время жёлтых листьев. Медведи жили в кедровом лесу. Шерсть на медведях стала гладкой и шелковистой, блестящей. Очень густой и тёплой. Это означало, что звери здоровы, они нагуляли много жира, чтобы перезимовать в берлоге.

ДОМОЙ!

Однажды медведи пришли к своей берлоге. Берлогу никто не нашёл, всё было в порядке. Медведи стали жить поблизости. Они мало ели, а больше лежали в лесной чаще. Наверное, им снились голубые лесные поляны, сплошь заросшие голубикой. Ягоды было так много, что есть её очень просто. Надо было открыть рот, и ягода сама попадала в него. Толь ко успевай есть. Рано утром по росе далеко был виден медвежий след. Он казался тёмной полосой от сбитой росы. Вся поляна была разрисована такими следами. За лето Медвежонок научился всему, что должен знать медведь. Он знал теперь, какие травы можно есть, какие ягоды и каких насекомых. Знал, где и как прятаться от непогоды, когда ходить тихо, когда встать на задние ноги, чтобы принюхаться или послушать, когда молчать, а когда рявкнуть. Он научился и многому другому.

СКОРО ЗИМА

Однажды полетели белые мухи. Они садились на шерсть, на уши, на нос. Они раздражали, и Медвежонок щурился, досадливо фукал и встряхивался. Он тёр нос лапой, пытаясь согнать досадливых насекомых. Но они падали и падали. Медведи чувствовали, что пора ложиться в берлогу. Первым к ней подошёл медведь, который был поменьше. Он повернулся и влез в берлогу. За ним скрылся тот, который был крупнее. Старый кедр, среди корней которого была берлога, склонился и словно прошумел ветвями: «Здравствуй! Как живёшь, Медвежонок? Очень долго тебя не было!» И Медвежонок ответил: «Хорошо живу! Спасибо за память, добрый старый кедр!»

Упадут снега. Пролетят ветры. Затрещат морозы. А под корнями старого кедра будет тепло и сухо. Там мирно спят два медведя: Медведица и её Медвежонок. Пусть им снятся хорошие сны!

СЕРЫЙ

Когда-то эта глыба камня стояла на самой вершине горы. Но однажды время откололо её от материнской скалы, она скатилась вниз. Вокруг выросла густая поросль кустов спиреи и молодых деревьев. Там стало темно, кто залезет – не видно. Такие места в лесу очень нравятся разным животным.

Нашла этот уютный уголок лисица. Она вырыла под камнем нору и стала там жить. Неподалёку была пашня, на ней сеяли пшеницу. А где растёт пшеница или рожь, там бывают мыши и полёвки. Эти маленькие зверьки – главная еда лисицы. Лисица, которая жила в норе под камнем, ходила на это поле охотиться.

Год прошёл, второй, третий. И вот, что случилось дальше.

ЖИЛИЩЕ ВОЛКОВ

Однажды весной волчица и волк стали искать себе жилище. Волки могут вырыть себе нору, но иногда они поселяются в норах лисиц. Или барсуков. Хозяину, конечно, приходится уходить и строить себе новую. Так произошло и на этот раз.

Но волки – звери крупные, и в лисицыном жилище им тесно. Они раскопали его сильными лапами с крепкими когтями. Логово стало просторное.

Никто, кроме лисицы, не знал, что в этом лесу в норе под глыбой камня стали жить два волка

РОДИЛИСЬ ВОЛЧАТА

Шла весна. Волчица собиралась стать матерью. В середине мая в логове появились четыре маленьких серых, живых комочка. У волчат глаза были пока закрыты. Как у маленьких собачек – щенков. Все ребята знают, что щенята рождаются слепыми. Но через несколько дней глаза их открываются. Так произошло и у волчат. Один волчонок был немного крупнее. Он оказался сильнее остальных. Мать это заметила сразу. За это она любила его больше остальных. У волков, как и у многих других животных, не принято жалеть слабых. Чтобы волчье племя выжило в суровых условиях дикой природы, слабых в стае не должно быть. И их не бывает.



СЕРЫЙ ВОЛЧОНОК

Крупный волчонок был самцом. Он пока мало что соображал. Но вскоре у него открылись глаза. Прямо перед собой он увидел круглое пятно света. Это было необычно и потому страшновато. Мать никому не разрешала туда подходить. Она всегда была дома. Серому, как и всем его братьям и сёстрам, не было холодно. Конечно, никакой печки никто не топил. Просто все волчата всегда рождаются в очень густой шёрстке. Это чтобы новорождённые не простыли и не заболели. Заболевший погибает, лечить его никто не будет. Это у дверей не принято.

Серый захотел есть. Надо попить маминого молока. Но до мамы надо ещё добраться, она лежала в другом углу. Он падал на бок, утыкался маленьким носом в пол, садился на зад, перелезал через братьев и сёстер. Он делал крохотные шажки. Первые в своей жизни. Волчонок потыкался носом в тёплое мамино тело, нашёл сосок и получил свою долю.

Как заведено у волков, через две недели после рождения волчата получили свои имена. Самый крупный стал Серым. Но дали имена не родители, имя дала Природа – мать всего живого на земле. А происходит это так. На теле волчат под шёрсткой в коже есть много желёз.

Это такие небольшие бугорки. Они пахнут. У каждой железы и у каждого волчонка свой запах. Не спутают и они сами. После, когда Серый вырастет, все в лесу, кто увидят его след, понюхают и подумают: «Это прошёл волк». Вот так получают имена все волчата и все другие зверята.

ВОЛЧИЙ ЯЗЫК

Вскоре пришла пора учиться волчьему языку. Но пока это получалось неважно. Однажды Серый оказался в дальнем углу их жилища и захотел есть. Он видел, что все братья и сёстры уже около

мамы. А ему никак не удаётся побежать быстрее. И он заплакал. От обиды.

Плач получился тоненький-тоненький. Все ребята, у кого рос щенок, слышали, как, расстроенный, он плаксиво скулит. Вот так заскулил и Серый. Это был его первый голос. После, когда вырастет, он научится выть один и петь вместе со всей стаей. Он будет взлаивать и, когда потребует, грозно рычать. А сейчас он так жалобно заскулил, что мама протянула переднюю лапу и придвинула его к себе. Она лизнула его прямо в нос и сунула к соску.

ИГРЫ

Волчата росли быстро. Уже прошло двадцать дней, как они родились. Волчата азартно играли друг с другом. Игры были такими. Кто-нибудь замирал в углу логова: ложился на брюхо и затаивался. А другой волчонок начинал к нему подкрадываться. Когда тот, кто подкрадывался, подползал слишком близко и собирался напасть, затаившийся быстро вскакивал и нападал сам. Все бросались на «добычу». Они дружелюбно грызлись и весело валялись. Тот, на кого нападали, вскакивал и подставлял плечо. Все должны были кусать это плечо и шею. Теперь он резко вилял задней половиной тела и хвостом. Нападающие должны были тотчас отскочить. А волчонок сам нападал на кого-нибудь.

Но когда нападали на Серого, отскочить никому не удавалось, потому что он их сбрасывал сам. Мать смотрела на него с особенным вниманием. Она любила его больше всех. Она видела, что из этого волчонка вырастет самый хороший волк, её сын. С ним они добудут и самого большого оленя!

Так волчата, сами того не зная, учились охотиться. Природа-мать учила их приёмам нападения на добычу. Она учила всем навыкам, необходимым в лесной волчьей жизни. Вот что такое игры!

ЗАПАСЫ ВПРОК

Следующий урок для волчат был такой. Они должны были научиться запасать корм. Уже несколько раз волчища давала им не только молоко, но и мясо. Мясо приносил волк-отец, который жил рядом с логовом. У него не было жилища, он спал под небом. В нору к волчатам мать его не пускала. Ещё напугает!

Отец ловил где-нибудь зайца, глухаря, находил олененка, даже мышами не брезговал, и приносил домой. Часть мяса он проглатывал, но не съедал. Волки это умеют. Значит, в своём желудке, волк, как в продуктовой сумке, приносил домой обед! Здесь мясо он отрывивал, и его с огромным аппетитом ели волчата. Да, но и подавала-то им его все же волчища. Папеньку и на порог не пускали...

От такой полупереваренной еды волчата очень быстро росли и крепили. Ну, а как я сказал, волчата начал учиться запасать еду впрок. Теперь они уже смело выходили из логова, но играли только на пороге. Это значит – около входа. И вот тут в разных местах волчата стали закапывать кусочки мяса, косточки. На черный день. О, как им это пригодится в жизни! Не всегда и не везде добудешь оленя. А когда добудешь и наешься, остальное мясо надо растащить подальше и спрятать в землю, или в снег – зимой. После отыскать. Этот урок не раз выручал волков голодной зимой. И не только волков, их клады находят другие животные. И их это тоже поддерживает голодной порой.

БЕДА

Прошло около месяца. В жизни волчат всё шло хорошо. Никто не ждал беды. Но в один вечер родители вернулись настороженные. А надо сказать, что и волчища теперь оставляла детей одних. Они знали, что уходить никуда нельзя и всегда дожидались её дома.

Волк и волчища около своих вчерашних следов видели отпечатки сапога человека! Это очень опасно. Стало ясно, что человек появился в их владениях не просто так. Зачем он провёл ночь вон на той горе и даже не разводил костра? Зачем он старался выть по-волчьи? А эти –

прошлогодние их дети, зачем-то ему ответили. Они жили не вместе с родителями, но совсем недалеко, за горой. И ещё не набрались ума... Настоящий волк должен как можно меньше оставлять даже следов своих. И уж никак не горланить по ночам песни на весь лес.

...Этот знакомый шорох прямо из голова волчица услышала на рассвете. По лесу крался человек! Где же волк? Почему он не предупредил?! Ведь он должен быть неподалёку и первым услышать опасность!

Времени у волчицы ни на что больше не оставалось. Она схватила пастью одного волчонка и бросилась из логова. Едва успела заскочить в заросли, как позади что-то сильно грохнуло, блеснула молния. По спине резко, зло ударило. Боль обожгла тело, но волчица, не обращая на неё внимания, летела по тёмному, сырому лесу. Никто не гнался за нею. Волчонок тряпкой болтался в зубах. Конечно, это был тот самый, сильный волчонок, её Серенький. Не знаю, но очень может быть, что она схватила именно его совсем не случайно. Не слышала погони, волчица остановилась и положила волчонка на траву. Он сразу же встал и замахал хвостиком. Как интересно было! Давай ещё!

НОВОЕ ЖИЛИЩЕ

Куда бежать? Волчица вспомнила, что у подножия одного обрыва в густом лесу когда-то на охоте она видела уютную нишу под корнями дерева. Вот туда она и прибежала.

Волчонок по-прежнему прокатился в её пасти. Такие путешествия волчатам не вредят. Матери довольно часто перетаскивают их при смене логова. Бывает, что люди обнаружили волчье жилище. Они даже и не подходили к нему, а только догадались, что оно где-то поблизости. Завтра утром они найдут его. И находят, да только волчицы с волчатами и след простыл. Она ещё днём поймёт, что логово в опасности и ночью волчат по одному перенесёт в другое место.

Такое место, похоже, волчица приметит ещё до рождения волчат. Каждого волчонка мать берёт пастью поперёк его тела и уносит. Не очень удобно, но ничего, терпимо. Волчонок смиренно висит, как пойманный заяц или рябчик. Больно не бывает, потому что челюсти мать сильно не сжимает. Волки столь умные звери, что почти всегда из логова, где родились волчата, месяца через два переходят в другое убежище. На случай, если их здесь заметили!

Наша волчица спасла только одного Серого. Единственного. Потому что когда ночью она прокралась к покинутому логову, там стоял ненавистный запах человека. Человек забрал всех детёнышей извечного врага своего – волка. Извечного врага, потому что волки, бывало, съедали единственную, последнюю корову или лошадь. А уж от овец порой оставалась одна только шерсть...

Волчица ждала волка. Превозмогая боль в спине, постоянно зализывая её, она подновила жилище. Выбросила комья глины и упавший с потолка камень. Перекусила и вытолкнула наружу проросший из стенки корень дерева. Но волка всё не было, хотя найти в лесу её следы ему просто, как отыскать путь домой. И тогда она поняла, что он погиб. Она сообразила: вчера поздно вечером даль приносила приглушённым точно такой же звук, который обжёт ей спину сегодня утром.

ВДВОЕМ С МАТЕРЬЮ

Стало ясно, что дальше жить им придётся одним. Серому шёл третий месяц! Это был уже не серый комочек, умеющий только поскуливать да пить молоко. Но для матери он всё ещё был маленьким, потому что не умел добывать еду. Теперь волчица должна была это делать сама. Иногда она уходила на два-три дня. Случалось, приносила всего лишь несколько лесных полёвок. Но отрыжку Серый получал всё реже. По правде, он давно уже её не получал, потому что быстро вырослел. Отрыжкой волки кормят совсем ещё маленьких. Зато он ел теперь настоящее мясо. Волчонок прижимал передними лапками кусок к земле и тянул вверх, изо всех сил зажимая его зубами.

Иногда когда мать была дома, рядом с логовом, он ловил полёвок сам. Они резко шуршали в траве, и он уже знал, что там – добыча. Приходилось и голодать. Но на такие случаи опять же Природа-мать ещё до рождения запасла в его печени ценное питательное вещество – гликоген. Гликоген расходовался быстро, но быстро рос и волчонок.

ПОМОЩЬ

Однажды, когда они были дома, мать резко подняла голову и насторожилась. Кто-то был близко от логова. Она бесшумно встала и тенью выскользнула на улицу. У ближайшего куста стоял молодой волк. Он вежливо махнул хвостом, и волчица узнала своего сына. Он родился у неё в прошлом году и жил со своими двумя сёстрами недалеко от прежнего логова. Это они завывали тогда, по ошибке приняв голос манка человека за волчий вой.

В зубах прошлогодок держал зайца. Его вид говорил: мы лишились отца, вот вам на обед! Да, истинная правда! Именно так поступают волки. Если гибнет кто из родителей, волчата прошлогоднего выводка берут на себя заботы старшего. Они помогают вырастить новых волчат!

ВЗРОСЛЕНИЕ

В августе Серому исполнилось три месяца. В один из этих дней сестра принесла ему молодого рябчика. Рябчик был живой, но с перекушенным крылом. Он не мог улететь. Волчонок хотел есть, но добыча запрыгала. Он кинулся за ней. Было желание поиграть, как с полёвкой, но зубы как-то сами собой жёстко схватили птицу.

Это означало, что теперь волчонок становится серьёзным добытчиком. Всё, что двигается, надо крепко схватить зубами и несколько раз придавить. И можно есть. Волчонок повзрослел. Навыки охоты и лесной жизни он приобретал с одного, первого раза обучения. Как все настоящие волки!

Но настоящим волком, способным добыть настоящую еду, Серый стал, когда ему исполнилось пять месяцев. К этому времени у него сменились молочные зубы. Новые зубы могли дробить кости крупного животного – козули и даже оленя.

Вот и прошло детство этого молодого волка, которого все, и даже мать, называли теперь не Сереньким, но строго – Серым.

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Пришла осень. Настало время охотничьих путешествий. К матери с волчонком насовсем пришли все трое из прошлогоднего выводка. Так образовалась волчья стая. Она покинет район логова и отправится в широкую даль тайги. Её поведёт опытный вожак - мать всех этих волков.

... Двадцать тысяч лет назад волки подарили человеку собаку. Собака помогла ему выжить. И, наверное, помогла стать человеком.

И в теле Серого живёт та кровь – кровь настоящего дикого волка, увы, извечного врага человека...

Это теперь люди поняли, что волки тоже должны жить в лесу. Уничтожать всех их нельзя. Пусть всё живое живёт! Только волков в лесу должно быть не очень много. Чтобы больше было оленей, глухарей, зайцев, полёвок.

Устинов С.К.

ПЯТНИСТАЯ ШУБКА

ВСТРЕЧА

Иду я однажды по тайге. Речка шумит, солнышко светит, ветки деревьев покачивает. Прохладно в лесу. Горы кругом высокие, на них скалы-утёсы. Камни лишайником поросли. Толстые старые деревья стоят поскрипывают, будто жалуются мне на что-то. В лесу всегда мно

голосов, их только надо уметь слышать.

И вот слышу неподалёку, среди больших камней в куста пронзительный крик: «Пауут! Паууут!» Скорей подхожу на помощь никого нет... Не кричит больше.

Вот чудеса, думаю. Кто же кричал? Даже оглядываться стал. И померещилось ли? И вдруг опять из ближнего куста: «Пауут!» Тихоны шагнул три раза. Виду – кучка травы сухой. А рядом тёмные и светлые листики лежат, а вот цепочкой – длинненькие. Наклонился... Да ведь господи, телёночек какой-то крошечный лежит! Вот ушки к головёнке прижатые лепесточками. Вот мордочка с кулачок детский, точёная махонькая. А вот большие, тёмные глаза. Он их закрыл, испугался Чужого увидел. Ножки под себя поджал, как карандашики. И веки пёстренький-пёстренький. Будто солнышко проскользнуло сквозь кустики спиреи и осветило листики. Отведи глаза – опять искать будешь. Вот так замаскировался телёночек. Шубка пятнистая.

Многие дикие животные так раскрашивают своих детёнышей, чтобы они были менее заметны. А попозже, когда они окрепнут, шубку меняют на другой цвет. Не боюсь, мол, теперь никого.

Конечно, это кабаржонок. Я знаю, что в этих горах живёт самый маленький олень – кабарга. Его и оленем-то называть как-то неловко. Ну что за олень, всего десять килограммов веса? И рогов нет. И не бегают он, а только ходит и высоко ловко прыгает.

Самое главное, не надо его трогать, на руки брать. Некоторые ребята, если случайно найдут в лесу лосёнка или козулёнка, несут их домой. Спасли, вроде, а на самом деле, чаще всего – загубили. Мама не бросает их. Если её не убил браконьер, она всегда найдёт своего малыша. Она просто ушла пощипать травы. Дикие звери не любят неволи. А кабаржонки, сколько ни пытались держать их в зоопарке, гибли.

Тихонько отошёл я в сторону. Сел на упавшее дерево и замер. Кабаржонок ещё раз крикнул. А из кустов ему: «Ммык». Это пришла

его мама, кабарга. У неё тёмная коричневая шубка. Красивые большие глаза. Аккуратные серые ушки. Она огляделась, принюхалась. Решила, что никого поблизости нет. Когда кабаржонок напился молока, она легла рядом.

МЕДВЕДЬ БЛИЗКО!

Вдруг кабарга подняла голову и насторожилась. По речке кто-то шёл! Он громко шлёпал по воде. Кабарга резко, но бесшумно встала. Она увидела медведя! Медведь переходил речку. Он шёл почти прямо к ним! Маленький кабаржонок не понимал, как это опасно. Кабарга вдруг с шумом бросилась прямо к медведю. А потом сразу как-то боком запрыгала в сторону. Вот-вот упадёт. Больная, решил медведь, такую догнать и поймать – ничего не стоит. Медведь бросился за ней. Кабаржонок затаил дыхание, закрыл глаза, поджал ножки, замер.

И опять под кустом лежала просто кучка сухих листьев, и никто не мог догадаться, что это лежит кабаржонок. Тут прилетели комары. Они весело звенели над кабаржонок, выискивая, куда бы его укусить. Но свой нос он спрятал в траве, а всё остальное было в густой шёрстке, не прокусить. Комары разочарованно позвенели и улетели. Трест кустов, куда бросилась кабарга, быстро удалился. Всё затихло. Кабаржонок чувствовал, что лежать надо до тех пор, пока не придёт мама.

Напрасно вы думаете, что медведь поймал кабаргу. Она столь стремительно прыгает, что медведь, наверное, до сих пор бежит по лесу, всё её ищет! А она уже давно дома. И рядом с ней её кабаржонок. Она медведя обманула, отвела подальше от детёныша и вернулась. Кабарга-мама спасла ему жизнь. Так поступают мамы многих животных.

ПОДАЛЬШЕ ОТ РЕЧКИ

После того, как приходил медведь, кабарга повела детёныша

подальше от речки. Они пошли повыше на склон горы. Речки ведь текут по долине, и там повсюду разные тропинки. По тропинкам ходят всякие звери. Кабаржонки этого не любят. А на склоне лучше, тут растёт сорный лес, много скал, много укрытий. Вот и ключик с водой рядом. Почти всё лето они проживут здесь. На тропинке к ключику по утрам будут оставаться крошечные кабарожкины следы, будто кто карандашом потыкал. Это они пить приходили. Но однажды кабарга сильно испугалась: ночью над скалой пролетел филин!

ФИЛИН

У филина широкие сильные крылья. Он ел на сухой сучок высокого дерева и глухо сказал как бы про себя: «Ух». Кабарга знает, что это страшный её враг. Его не обманешь, как медведя. Единственное спасение от него – в неподвижности. Даже моргать нельзя. Он может заметить. У него большие острые когти.

Филин сидел на дереве и смотрел в разные стороны. Светила луна, и когда он поворачивал голову, кабарга видела его большие, круглые жёлтые глаза. Только бы кабаржонок не пошевелился! Филин всё сидел. Видно, его беспокоили блохи. Он часто тербил перья у себя под крыльями и встряхивался. Беспокойство мамы передалось кабаржонку. Он опять лежал, как кучка сухих листьев. Так его не заметит никакой филин.

Вскоре далеко внизу у реки пронзительно крикнула какая-то птица «Чвититиить». Филин быстро посмотрел туда и тихо сказал: «Ффть». Он встряхнулся и распушил перья, отчего стал казаться ещё больше. Филин расправил крылья и бесшумно скользнул в темноту. Он полетел узнать, что там случилось. Нельзя ли чем поживиться? Где-то в этих скалах у него гнездо, а в нём маленькие филинята. Они ждут его с добычей.

ПОЧТИ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Прошёл месяц, как кабаржонок родился. Его теперь было не узнать. Он вырос и во всём походил на свою мать. У него теперь на шее две такие же светлые полосы, как у неё. Это чтобы узнавать друг друга в тёмном лесу. Они есть у всех кабарожек.

Вскоре у кабаржонка началась почти самостоятельная жизнь, хотя было ему от роду всего четыре месяца. По лесу он ходил теперь один. Нет, мама не оставила его, просто так заведено у всех кабарог. Кабарги – удивительные звери, они любят одиночество. Их никогда не бывает много вместе. Вот и наш кабаржонок тихо и незаметно жил в своем лесу один. Но почти каждый день к нему приходила мама и поила его молоком.

Теперь кабаржонок умел отлично прыгать. Однажды он встал на упавшее дерево, валежину, и хотел почесать у себя за ухом. Копытцем задней ноги это очень удобно делать. Но тут кто-то зашуршал совсем близко. И вдруг чуть не под ноги кабаржонку выскочил бурундук! Кабаржонок вздрогнул, и тут его увидел бурундук. Как они оба испугались! Зверёк шмыгнул в траву и мигом залетел под валежину. А кабаржонок высоко подскочил, но, падая, увидел, что напорется на острый сучок. Тогда в воздухе он повернулся вбок. Когда же ноги коснулись земли, опять наклонился, будто хотел упасть, но сильные ноги снова подкинули его вверх. На этот раз он летел уже совсем в другую сторону. Под ним мелькали кустики, камни, валежины. Он летел, как птица! Никто в лесу не умеет так прыгать.

ПРИШЛА ОСЕНЬ

Наш кабаржонок встречался с матерью теперь всё реже. И она и он стали немножко забывать друг друга. Увы, так принято у всех кабарожек, и это их не обижает. Но когда они встречают следы друг друга, они узнают, кто здесь ходил – мама или её кабаржонок. Узнают кабарги своих по запаху. У каждого зверя свой запах, и его они не спутают ни с чьим другим.

И вот пришла осень. Полетел снег. Начались холода, но кабаржонку было тепло, у него появилась новая, зимняя, шубка. Она

была тёмно-коричневая, как у матери, но от той, первой, пёстренькой, в которой он родился, осталось ещё много серых пятнышек. Кабаржонок теперь каждый год будет надевать новую шубку. И на каждой из них понемногу будет оставаться светлых пятнышек из его детства.

РЫСЬ

Рысь была старая, мудрая. Она многое, если не всё, в лесу знала. Например, что вот среди этих скал, должно быть, живёт кабарга. Зверь этот – главная в этих краях добыча рыси. Так уж решила Природа. И рысь умеет ловить кабарожек. Она тихо идёт на своих мягких лапах с втянутыми когтями. Втянутые когти – спрятанное оружие. Часто останавливается. Долго слушает. Слух у неё очень тонкий.

Рысь вспрыгнула на камень, заметила чьи-то следы... Конечно, это следы кабарги. Теперь начнётся охота. Рысь пойдёт по этим следам! Над кабаржонок нависла смертельная опасность! Рысь медленно подползала на брюхе для решающего броска. мех у неё светло-серо-желтоватый. Он хорошо скрывает зверя на снегу и в пожелтевшей траве.

Кабаржонок чутко прислушивался. В лесу было тихо. Только за кустиками спиреи еле слышно шуршала мышь. Так показалось кабаржонку, но это была не мышь, и не полёвка...

Взрыв снега – жёлтая молния вспыхнула совсем рядом! Что-то резко рвануло за ухо!

Вы бы видели, как кабаржонок полетел! Он прыгал так, как никогда раньше! Он был жив, рысь промахнулась! И она даже его не преследовала. Она знала кабарог. Если промахнулся - преследовать бесполезно. Они тёмной птицей мгновенно исчезают в лесу. И больше к ним не подкрадёшься



МНОГО СНЕГА

Вскоре выпало много снега. Он бы с головой накрыл кабаржонка. Ведь олешек же маленький. Даже одного метра в высоту нет. Как тут быть? Другие олени, даже громадные лоси с их длинными ногами, уходят на зиму в места, где мало снега. А кабарожки остаются! Почему? Вроде траву и лишайник снегом закрыло, но ведь много лишайника растёт и на деревьях. На ветвях и на стволах, эти-то снегу никогда не закрыть. А как кабаржонок его там достанет? Ну как обычно! Все ребята видели, как ветер сбрасывает с ветвей снег? Кто в лесу бывал – видел. Это очень важное дело: падающий снег сбивает с ветвей лишайник. Что кабарожке делать? Ходить и подбирать! Можно по своим вчерашним следам. Не надо лезть в высокий снег. Лишь бы было много лишайника и ветра. Так у кабарожки возникают тропинки, раз она всё время ходит по своим старым следам. А на тропинке глубоко не провалишься.

Самые лучшие друзья кабарожек – это ель, кедр и пихта. Кто догадался почему? Потому что на этих деревьях растёт много лишайника. В таком лесу кабарожки живут охотнее всего. И их там бывает много.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

А вы не забыли нашего кабаржонка, шубку пятнистую? На днях я его видел. Я шёл по старому кедровому лесу. Крутой склон и скалы. Недалеко от этого места нынче летом я нашёл маленького телёночка, помните? Шубку пятнистую. Я увидел кабарожкин след и тихо пошёл по нему. Вот большой камень, обросший мхом и лишайником. Его закрыл снег. Я выглянул из-за этого камня. Неподалёку стояла кабарга. Она смотрела на меня, услышав шорох. Левое ухо, как ножницами, было разрезано надвое. Я сказал: «Ну здравствуй, Пятнистая шубка!»

Сказки о Прибайкалье

Устинов С.К.

СКАЗКИ И БЫЛИ О ЛЕСНЫХ ЖИТЕЛЯХ

ЗАЯЧЬЕ ЗЕРКАЛО

Жили в лесу два зайца. Домик у них был тёплый зимой, прохладный в летнюю жару. Это было дупло в толстой лежащей лиственнице. Когда-то дерево это было живым и стояло, смотрело в небо своей вершиной, как все деревья. По ночам лиственница видела звёзды и луну, а днём – солнце и плывущие облака.

Иногда облака спускались вниз и задевали вершину дерева. Тогда с неба шёл дождь, либо если зимой – то падал снег. Когда налетал ветер, лиственница качала вершиной и ждала, когда он кончится. И ветер всегда кончался.

Но однажды он принёс запах горящего леса, и вскоре пришёл пожар. Он родился от молнии. Молния ударила в сухое дерево и скользнула вниз. Там она зажгла ветви и траву.

Огонь увидел, что его никто не тушит, и яростно бросился по лесу. Он много сжёг деревьев, кустов и разных животных. Тех, кто не сумел убежать или улететь от него.

Много лиственниц сгорело, а у одной, когда подгорели её корни и она упала, выгорела середина. Получилось дупло. Его-то и нашли впоследствии зайцы. «Ай да домик! – сказали они. – Лучшего во всём лесу нет!»

Днём зайцы сидели в домике, спали, рассказывали сказки, читали. Что читали? Да однажды они нашли два больших куска берёзовой коры.

На ней известные лесные писатели – дятлы – своими острыми клювами наделали много-много дырочек. Это они берёзовый сок пили

когда берёза была живым деревом. Она всех поила сладким соком, весенним лесным лакомством. Вот эти дырочки в коре берёзы и читали зайцы, потому что там дятлы описали всю свою интересную жизнь.

А надо сказать, что один заяц был аккуратным, вежливым. Второй же был неряшкой, невоспитанным. Вот, например, поедят они веточек или листьев, коры осинового прогрызут. Первый сядет поудобнее, почистит травинкой зубы, вытрет лапкой усы, разгладит их, и они идут домой. Второй никогда не прибирал себя, пока первый ему не скажет: «Опять ты неаккуратно ел, приведи себя в порядок, как мама учила! Вот придёшь с собой куда, все подумают: какой неряшка этот заяц!»

Однажды воспитанный заяц и говорит: «Ты бы хоть в зеркало посмотрелся!»

А где же зеркало? И в самом деле, где взять в лесу зеркало? Можно, конечно, поскакать к тому светлому ручейку, в него посмотреться. А всё же хорошо бы иметь у себя дома.

Стали зайцы размышлять, где найти зеркало. Ничего придумать не могут, задумались. И вот, что вскоре услышали.

- Что пригорюнились, длинноухие? Ладно уж, очень – вижу я – нужно вам зеркало. Так и быть, приходите завтра, будет вам зеркало!

Посмотрели зайцы вокруг – никого нет. Только берёза одна стоит рядом. Недоумевают.

- Что оглядываетесь? – говорит опять кто-то. – Я это сказала, береза. Что непонятного?

Зайцы очень удивились, что берёза может говорить по-заячьи. Поблагодарил её вежливый заяц, и они пошли домой. Назавтра, кто быстрее, прискакали и видят: невысоко от земли на берёзе растёт ровный, красивый гриб. Сверху он будто шоколадным маслом помазанный, а снизу весь белый и аккуратненько, будто тонкой

иголкой, весь-весь истыкан.

- Ну и что, это и есть зеркало? – спросил неряшка. – Это же гриб такой, он на деревьях растёт.

- А ты сорви его, - сказала берёза, - и посмотри снизу. Это моя берёзовая губка. Это чудесное зеркальце! Мордашку-грязнулю в него не разглядишь, но если чуть-чуть в лапке поворачивать, оно светлым бликом играет. Мерцает, будто свет на твоей мордочке в нём отражается. Не помылся – ни света, ни бликов не увидишь.

Ещё берёза сказала: «Вот покушаешь и посмотри на него. Поверни в лапке. Вспомни и сразу беги к ручью. Умойся. Разгладь усы и будешь самый аккуратный заяц в нашем лесу».

Давно это было. Но и теперь в лесу, где живут зайцы, этот гриб иногда вдруг вырастает на берёзе. Это значит, что она заметила какого-то неряшку и дарит ему своё зеркало. Увидишь, не срывай, это не для тебя. Ты же не неряшка!

А ещё я вот что скажу. Когда лось увидит этот гриб, он подойдет и немного откусит. Лось считает его своей едой. И белка тоже, и ещё кто-то, я пока не догадался, не подсмотрел. Угляжу, расскажу когда-нибудь.

Гриб этот называется берёзовая губка. Я вот на днях нашел его в лесу. Не сорвал, он растёт для неряшек!

КОЧКА

На лесной поляне жила кочка. Я не оговорился, кочка - это не только кучка земли, это целый лесной домик. В нём многие маленькие лесные обитатели живут. Ну, и она с ними живёт.

Кочка эта была вся из травы. Траву подходили и скусывали разные животные, те, которые в лесу живут. Они проходили мимо и

видели, что на кочке растёт сочная зелёная трава, которую можно есть.

Кочку трепали ветры, поливали дожди, трещали над ней морозы. Однажды на неё наступил медведь и чуть не раздавил. На зиму кочку укрывали снега и ей было тепло. Тепло было и тем, кто укрылся в ней от зимы.

Так и жила она много лет. Постепенно кочка старилась, всё на земле стареет. На ней всё больше и больше скапливалось прошлогодней, отмершей травы-ветоши. Новая трава росла вверх, старая ложилась вниз. Так кочка выросла на целых полметра.

И вот однажды, как только подсохла утренняя роса, мимо кочки шли три рыжих муравья. Муравьи жили неподалёку, на краю леса. Они там были заняты очень важным делом. Муравьи сохраняли здоровье леса, окрестных деревьев и кустов.

Они собирали и съедали разных вредных насекомых. За это все в лесу их очень уважали. Вредные насекомые или хвою и листья, отчего деревья и кусты засыхали. Они плохо росли, были корявые и чахлые. Но это там, где не было муравьёв.

Три муравья остановились около кочки. Как и полагается уважаемым серьёзным людям, постояли, подумали.

Потом старший говорит: «Кажется мне, внутри этой кочки много сухой травы. Наверное, там сухо, тепло и уютно».

Второй муравей – он был моложе всех - сказал: «Я схожу и посмотрю». Вскоре он вернулся и быстро зашевелил усами. На их языке это означало, что он видел там тёплое, сухое место. Теперь в кочку полезли все трое. Когда они выбрались, было решено построить здесь новый дом. В старом стало слишком много народа.

Муравьи поселились в кочке, и она этому очень обрадовалась. «Какие хорошие постояльцы!» - говорила она соседям. Соседи приходили, смотрели. Потом стали приглашать муравьёв к себе в

гости. Это всегда так: хороших людей все уважают и любят.

Вскоре по всей поляне среди всех кочек пошёл слух, что муравьи очень хорошие люди. Их надо звать к себе жить. Прошло ещё некоторое время, и что ни кочка стоит на лесной поляне, то жильё муравьёв! Всем стало хорошо. Муравьи расселились повсюду, а кочкам перестали докучать разные листогрызы-насекомые.

Я сижу у огонька на краю этой поляны, пью чай после долгого пути по весенней тайге. Смотрю на поляну. Вся она в бесчисленных больших и маленьких кочках. И в каждой из них живут хорошие лесные люди – муравьи. Стражи здоровья, кустов, трав и деревьев

НЕСЛУХИ

На невысокой горе у края калтуса росли ели. Калтус – это лесная поляна в долине ручья, заросшая кустарником. Ели стояли высокие, зелёные. Красивые. С горы им далеко всё было видно.

Они видели, как рано утром из леса на калтус выходили козули, лоси, изюбры. Однажды ели видели даже медведицу с медвежатами. Медвежат было двое и оба в белых шарфиках.

Все, кто приходил на калтус, ели траву, листья и ветки кустарников. Медведи ещё разбрасывали муравейники, ели кислых муравьишек. Если долго смотреть с одного места, как ели и поступали, можно было увидеть даже, как глухарка оставляла гнездо. Она тихо и незаметно ходила поблизости и собирала разных насекомых, скусывала травинки.

Так ели жили долго, и однажды у них родились дети. Это были несколько шустреньких ёлочек. Одеты они были в зелёные пушистые платица.

Ёлочки при ветре весело шумели и качали своими зелёными лапками. Но однажды они решили сбежать из дома и поселиться на калтусе среди низкорослых берёзок. Что уж прельстило их там, не знаю. Может, то, что берёзки – низенькие кустики –

громче всех шуршали и шумели при ветре и дожде. Они всюду раскачивались даже и при малом ветре. Можно было подумать, что эти карлики живут интереснее всей! Зимой же их видно не было, они прятались под высоким снегом. Что они там делали, было самым загадочным.

Ели-родители заметили, что дети пошли на калтус, и окликнули их. Две ёлочки вернулись. Они любили родителей и не хотели их расстраивать. Ёлочки поверили родителям, что на чужбине плохо.

Там холодно, потому что калтус лежит на дне долины. Место открыто всем ветрам, и неглубоко под землёй залегает вечная мерзлота. От неё гибнет всё живое.

Многие ели пробовали поселиться на калтусе, но они либо гибли, либо влачили жалкое существование. Они были низкорослые, корявые, уродливо толстые. Пытаясь согреться в холодной долине, несчастные надевали неестественно много хвои. Хвоя вскоре чернела от невзгод.

Две молодые и глупые ёлочки сильно огорчили своих родителей. Они не вернулись на их зов. Ёлочки скрылись среди густых зарослей карликовых берёзок на калтусе.

Прошло много лет, и о беглецах ничего не было слышно. Был, правда, слух. Его случайно услышали ели из разговора двух дроздов. Будто там, на калтусе, среди берёзок стоят два маленьких деревца, похожих на ели. Похожих только своей колючей хвоей. Все остальное не поймёшь что: корявое, уродливое, некрасивое густое и почти чёрное, а не зелёное. Дрозды будто бы даже не смогли сесть на ветви этих уродцев.

Если поняли, что это их несчастные дети – неслухи. Теперь им с чужбины не вернуться, и у них не будет своих детей. А родина рядом. Вон, на склоне, стоят красивые, высокие, ровные ярко-зелёные ели, их родители. Рядом с ними две молодые, рослые и стройные ёлочки,

ровесницы беглецов.

Счастье всегда найдёшь на родине. Надо только уважать старших, принимать их опыт.

Вот что нарисовалось мне, когда я смотрел на горную долину, - калтус с чернеющими кое-где несчастными, уродливыми ёлочками. Они видны были из открытых дверей моего зимовья – лесной избушки, построенной на склоне среди высоких, стройных зелёных елей.

Байқала озера сқазқи



Как появился Байкал

В далекие времена на том месте, где сейчас Байкал, рос дремучий лес. Птицы и зверя в этом лесу было так много, что человеку пройти было трудно. Среди птиц выделялась одна, она была величиной с большого осетра. Крылья у нее были огромные, сильные, если заденет дерево, оно с корнем на землю падает, заденет за скалу - скала разлетается

Люди боялись той птицы и убить ее никак не могли, потому что, когда она летала, от нее такие горячие лучи шли, что охотники замертво падали. Но вот родился среди людей один человек. Рос он не по дням, а по часам. Вскоре он вырос богатырем и никакой силы не боялся. Пошел к нему народ просить, чтобы он всех от беды избавил и ту огненную птицу убил. Послушался богатырь.

Из ста деревьев себе лук сделал, из двухсот лесин стрелу вытесал и отправился на охоту. Вскоре вся земля содрогнулась. Упала от меткого выстрела та птица, огонь начался такой, что небу жарко стало. Народ разошелся из этой тайги по горам и увидел, как сквозь пламя столбы воды пробиваются. Так море на том месте стало.

Когда земля и тайга горели, народ все кричал: "Байкал, Байкал!" Когда море стало, за тем местом имя Байкал из века в век сохранилось. То ли пожар большой народ называл Байкалом, то ли ту птицу так называли, а может, это слово означало "много воды"... только запомнили люди, что место это Байкалом зовут.

Богатырь Байкал

В старые времена могучий Байкал был веселым и добрым. Крепко любил он свою единственную дочь Ангару. Красивее ее не было на земле. Днем она светла - светлее неба, ночью темна - темнее тучи. И кто бы ни ехал мимо Ангары, все любовались ею, все славили ее. Даже перелетные птицы: гуси, лебеди, журавли - спускались низко, но на воду Ангары садились редко.

Они говорили: - Разве можно светлое чернить? Старик Байкал берег дочь пуще своего сердца. Однажды когда Байкал заснул, бросилась Ангара бежать к юноше Енисею. Проснулся отец, гневно всплеснул

волнами. Поднялась свирепая буря, зарыдали горы, попадали леса, почернело от горя небо, звери в страхе разбежались по всей земле, рыбы нырнули на самое дно, птицы унеслись к солнцу. Только ветер выл, да бесновалось море – богатырь.

Могучий Байкал ударил по седой горе, отломил от нее скалу и бросил вслед убегающей дочери. Скала упала на самое горло красавице. Взмолилась синеглазая Ангара, задыхаясь и рыдая, стала просить: - Отец, я умираю от жажды, прости меня и дай мне хоть одну капельку воды... Байкал гневно крикнул: - Я могу дать только свои слезы!.. Сотни лет течет Ангара в Енисей водой - слезой, а седой одинокий Байкал стал хмурым и страшным.

Скалу, которую бросил Байкал вслед дочери, назвали люди шаманским камнем. Там приносились Байкалу богатые жертвы. Люди говорили: "Байкал разгневается, сорвет шаманский камень, вода хлынет и зальет всю землю". Только давно это было, теперь люди смелые и Байкала не боятся.



Омулевая бочка

Давно, очень давно случилось это. Русские уже тогда промышляли омуля на Байкале и в рыболовецком деле не уступали коренным жителям Славного моря - бурятам да эвенкам.

А первым среди умельцев - добытчиков значился дедко Савелий - недаром в вожаках полжизни проходил и морем кормился сызмальства. Крепко свое дело знал старый рыбак: подходящее место найти и время для лова выбрать верное - это уж из его рук не выскочит.

Родову свою дедко Савелий вел от рыбаков русского поселения Кабанска, а кто не знает, что кабанские рыбаки по всему Славному морю за самых фортовых промысловиков считаются! Излюбленным угодьем дедка Савелия был Баргузинский залив, где он и неводил чаще всего. Плес этот близок от Кабанска, но байкальскому рыбаку приходится выезжать зачастую и дальше: в поисках омулевых косяков на одном месте не засидишься. Как-то утром, после удачного замета, рыбаки позавтракали жирной омулевой ущицей, напились крепкого чая и расположились у моря на отдых. И потекла у них беседа о том, о сем, а больше - о той же рыбе, о ее повадках, о тайнах морских глубин. А был в этой артели особо пытливым паренек, большой охотник послушать бывалых рыбаков, у которых уму разуму набраться можно. Хлебом молодца не корми, а уж если что запало в душу - дай разобраться, без этого и спать не ляжет, себе и людям покоя не даст. Звали парня того Гаранькой, а родом он был откуда-то





Сергеев М.Д.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Глоток океана

- Ты знаешь, кто такой омуль?
– Рыба.
- А ты знаешь, где живёт омуль?
– В Байкале.
- А ты знаешь, где лежит Байкал?
– В Сибири.
- Ты многое уже знаешь, однако же не всё. Послушай-ка, что я тебе расскажу...



Был у нерпы ребёнок,
забавный нерпёнок.
Только был непослушным
ребёнок с пелёнок:
и друзей,
и соседей,
и старую мать
он проказами
очень
любил
донимать.

То холодную льдину
притащит в квартиру,
то без спроса напьётся он
рыбьего жиру,
то глотает сосульки,
как фокусник шпаги,
то в Байкал он ныряет,
исполнен отваги.
А нерпятам –
это известно давно –
в раннем возрасте
плавать
за-пре-ще-но!



Мать ему говорила:
– Беды не наделай!
Ты ж покуда малыш ещё,
беленький,
белый.

Вот разгонит весна
ноздреватые льды,
так

хоть месяц ты
не выходи
из воды!

Ветер в льдины ударит
и сильно,
и грубо,
потемнеет твоя
белоснежная шуба,
вот тогда,
мой нерпёнок,
и только тогда,
для тебя неопасною
станет вода.

Только мать за порог,
как в любую погоду
лез нерпёнок в сырую
байкальскую воду,
и на льдину –

ну что с непоседы возьмёшь! –

он тайком выходил
погулять без калош.

Плавал в маминой шляпе
с большими полями
и, не слушаясь папы,
дружил с омулями.

Как-то в сети попал
озорной омулёк,
так нерпёнок
беднягу
из плена извлёк.

Омульку говорила
не раз омулиха:
– Доведёт тебя
дружба с нерпёнком
до лиха.
Разозлится
и съест он тебя,
дуралей.

Свою старую маму,
сынок, пожалей...

Но случилась с нерпёнком
беда, беда.
Эй, врачи,
поскорее
сюда, сюда!

Эй, премудрый таймень,
ты халат свой надень,
видишь, жар у нерпёнка
пятнадцатый день!

Он родился зимою,
был в белую шубу одет он,
чтоб никто на снегу
нерпёнка увидеть не смог.
Время шубу менять –
белый берег раскрасило лето,
а малыш – точно снег,
а нерпёнок совсем занемог.

Он белый-пребелый лежит, как зима,
он тихий-претихий лежит, как зима,
как будто бы маленький белый сугроб
на летней воде позабыла зима.

Плачет мама.

И папа нерпёнка жалеет...
Но от слёз разве шуба его потемнеет?
Все соседи ревут,
и от этой беды
прибавляется
в море Байкале воды.

Ходят волны тревожные
в белой пене,
буря громко стучится
в квартиру тайменя:
– Эй, премудрый таймень,
ты халат свой надень,
очень болен нерпёнок
пятнадцатый день!
Таймень сказал:
– Простите...

Что громко так стучите?
Учёнейший таймень я,
но стар я, тем не менее.
Вы лучше б не стучали,
а на своей спине
нерпёнка покачали
и принесли ко мне...

Он градусник ставил нерпёнку,
пощупал нерпёнку печёнку,
потрогал мохнатую шубку,
приставил к спине его трубку.

– Послушать мне вас разрешите...

Дышите...

Теперь не дышите...

Сказал он родителям:

– Странно!

Болезнь неизвестна почти.

И только глоток океана
поможет малышку спасти.

Глоточек зеленой,
глоточек солёной,
глоточек студёной
целебной воды.

– Ты знаешь, что такое озеро?

– Это много-премного воды...

– А море?

– Это – если слить вместе много-
премного озёр.

– А что такое океан?

– Это – если слить вместе много-
премного морей.

– Ты уже немало знаешь, однако же
не всё. Послушай-ка, что было дальше...

Убита горем нерпа-мать,

не может, есть,

не может спать

от думы неустанной,

от беспокойства:

где достать

глоточек океана?!

В Байкале чистая вода,

в Байкале вкусная вода –

холодная, зелёная,
да только не солёная.

Отец – хороший был пловец,
но постарел уже отец,
на полдороги силы
бедняге не хватило.

Так труден путь
и так далёк –
быстрины
и пороги...
Но верный,
храбрый омулёк
готовился к дороге.

Он про запас
еды припас,
из дома вышел тихо:
он выбрал час,



когда как раз
дремала омулиха.

Он дружбу понимал всерьёз
и для спасенья друга
готов был ринуться в мороз,
пройти жару и вьюгу.
Пусть будут сети на пути
и щуки-великаны,
но только б другу принести
глоточек океана.

Он белый-пребелый лежит – океан,
он грозный-прегрозный лежит – океан,
студёную воду из рек и морей
в огромных ладонях
собрал океан.

Плыл денёк омулёк,
плыл второй,
за волною волну рассекал,
но опять
впереди,
позади
и с боков
всё Байкал да Байкал.

Омулёк полежит на спине,
отдохнёт среди губок на дне
и опять всё вперёд,
всё вперёд,
всё вперёд,

в тишине,
в глубине.

Вдруг кто-то полосатый,
как тигр, издалека
метнулся из засады,
напал на омулька.
То близок, то далёк он
(крадётся и хитрит!),
морской разбойник
окунь –
прожорливый бандит.

И так он говорит:
– Подоспел, омулёк,
к сроку!
Видишь: точит свой нож
окунь?
Видишь: точит свой нож,
значит, ты не уйдёшь,
никуда
от меня
не уйдешь!

Обо всём от страха
омулёк забыл,
по воде с размаху
он хвостом забил.
Мчится вглубь,
в сторонку,
в синий полумрак.
А за ним вдогонку
полосатый враг.

Вдруг видит омулёк:
рыбачья сеть.
В такой сети
пришлось ему висеть:
запутался
и выбраться б не смог,
когда б ему нерпёнок не помог.
Малыш глядит на сеть,
да неспроста:
– Ага! Она не очень-то густа!
Я проскочу,
а кто-то наверху
поймает окунишку
на уху!

Прошёл малыш
преграду без труда,
а окунь –
ни туда и ни сюда.
Забился он,
запутался в сети,
он омульку кричит:
– Браток, прости!
Я ж пошутил,
мы, окуни, добры...

В ту ночь
малыш доплыл
до Ангары.

– Ты знаешь, сколько сыновей у Байкала?
– Триста тридцать три...
– Ты прав, столько рек ему приносят воду.
А сколько у Байкала дочерей?
– Совсем мало.

- Сколько же?
– Одна Ангара. Она вытекает из Байкала и
спешит к Енисею-реке.
– А куда бежит Енисей?
– Прямо-прямо в океан.
– О, ты даже это знаешь! И всё-таки ты
знаешь не всё. Вот послушай-ка, что было
дальше...

С неба падает тихо
звезда-уголёк.
На перине волны
задремал омулёк.
Ангара к Енисею спешит.

И во сне
путешественник едет
на мягкой волне.

Качается перина,
удобная перина.
Но вот загородила
дорогу ей плотина.
О камень разбивается
упругая волна,
боками упирается
в два берега стена.
А в той стене,
а в той стене
машины – быстры,
волна ударит по волне –
сверкают искры.

А в той стене,
а в той стене
э-лек-тро-станция,

и ток,
рождённый в глубине,
к заводам тянется.

По проводам,
по проводам
всё дальше, выше,
пошла вода,
пошла вода!

Огнями стать спешит вода
под каждой крышей.

Вошёл в дома электроток,
гудит в машинах...

Заплакал горько омулёк
перед плотиной.

Не переплыть,
не обойти

преграды странной.

Как тут нерпёнку принести

глочечек океана?

Глочечек солёной,

глочечек зелёной,

глочечек студёной

целебной воды?

Просыпаются рано

подъемные краны,

достают они солнце

из речного тумана.

Солнце в небе повесят —

сияй во всю мочь!

И глядят великаны:

кому бы помочь?

Над плотиной стоит
добряк великан.
– Кто там плачет с утра? –
удивляется кран.
– Отвечайте скорей, а иначе
мы и сами от горя
заплачем...

Он взял омулька на ладошку,
сказал:
– Не робей, омулёшка!
Беду мы немедля поправим,
тебя к океану отправим.

Я знаю:
в реке ты,
как рыба в воде,
но надо спешить,
раз товарищ в беде.
Ты год будешь плыть
по Сибири по всей –
длинна Ангара
и велик Енисей,
покуда лекарство прибудет –
нерпёнка на свете не будет.



Нет, ты не по рекам,
а лучше
помчишься
на туче летучей.

Он тучу-летучу
к плотине привёл,
моторы на туче-летуче завёл.
– А ну-ка, без шума и лени
лети-ка ты, туча, к тюленям!
А ты, омулишка, везучий.
Счастливого плаванья в туче!

А нерпёнку всё хуже и хуже,
вся родня только плачет и тужит,
сам премудрый таймень
затянул свой ремень,
двести тысяч лекарств
он испробовал в день:
аспирин,
глицерин,
стрептоцид, сульфидин.
валерьянку,
касторку

и

пе-ни-цил-лин!

Но пилюли и разные капли
не спасают больного ни капли.

Он белый-пребелый лежит, как зима,
он тихий-претихий лежит, как зима,
как будто бы маленький белый сугроб
на летней воде позабыла зима.

Вдруг туча

в Байкал уронила звезду.
А это из тучи-летучи
смельчак омулёк
соскочил на ходу –
в чешуйки ударился лучик.
И белая фляга
из чистого льда
в глубины Байкала нырнула.
В той фляге – вода,
живая вода,
полна океанского гула.
Полярные ветры,
полярные льды,
сиянья полярного полосы –
всё спрятано
в этом глоточке воды,
добытой у самого полюса.
В глоточке солёной,
в глоточке зелёной,
в глоточке студеной
целебной воды.

- Ты знаешь, кто такой приятель?
– Это человек, с которым ты хорошо знаком,
с которым играешь в футбол или в тайгу
по грибы ходишь.
– А кто такой товарищ?
– Это самый лучший приятель.
– А кто такой друг?
– Это самый лучший товарищ. Если надо –
он всё для тебя сделает: выручить в беде,
поделится самым последним, сделает так,
чтобы тебе было хорошо. А если придется –
даже принесёт в ледяной фляге глоточек

океана.

– Да, больше мне рассказать нечего. Теперь ты знаешь всё.

– Я даже знаю, какое слово ты сейчас напишешь...

– Какое же? КОНЕЦ!



Сказка о Старой Крепости и храброем Витязе

Давным - давно пришли в землю сибирскую, в края прибайкальские храбрые первопроходцы. Шли они реками полноводными и путь их был не быстр. И шел с ними русский витязь. Хотел он увидеть земли дальние. Увидел он края сибирские, земли Байкальские. И решил тогда Витязь, что пора ему и остановится. И вот в бескрайней тайге Прибайкалья решил он построить крепость. С башенками. Долго ли коротко ли, но вот над лесом поднялись стены крепости. Выросли башни высокие. А на самом верху удобная площадка для того, чтобы с высоты по сторонам глядеть. Много лет строил Витязь свою Крепость.

Каждое утро поднимался Витязь на площадку и осматривал окрестности. Глядел как солнышко на востоке поднимается и далеко на западе за рекой садится. И вот однажды стоял он на самой высокой башне и вдруг услышал, как кто-то далеко внизу жалобно кричит.

Витязь быстро собрался и поспешил на помощь. Пришел Витязь к реке, а в реке медвежата барахтаются. Играли на камнях, глупые, подскользнулись, да и свалились в воду. Выплыть не могут. А рядом медведица бегаёт! Ох, и страшна медведица, когда медвежата рядом. Ревёт. Рычит. Медвежат защитить хочет. Не понимает, что помощь пришла. Что же делать, думает Витязь. Как медвежатам помочь и от медведицы уберечься. Зарычал сам, закричал на медведицу, та в сторону отбежала. А Витязь подошел к березе, что на самом краю реки росла, уперся руками в ствол, поднатужился, и повалил ее прямо в реку. А сам скорее назад отпрыгнул.

Медвежата зацепились за ветки березы и вылезли на берег, где их ждала их мама, медведица.

Подумал, подумал Витязь и решил построить на берегу реки сторожевой пост и там жить. Теперь Крепость зовут Старой Крепостью, а сам Витязь живет на берегу реки Олха возле излучины.

Сказка об ольхе и речке Олхе.

Жила была на свете Ольха. Росла она маленьким кустиком возле забора и никому-никому не была нужна. Кто мимо не идет, каждый норовит обидеть - то ветку сломает, то листик оторвет. Да и грустно под забором расти - солнышка не видно, от ветерка зябко, а попить захочешь - так воды то и нет рядом.

И вот однажды ольха решила убежать куда глаза глядят. Бежала-бежала, и прибежала. Смотрит - речка бежит быстрая, говорливая. Спрашивает Ольха:

-Речка, речка! Куда ты бежишь?

-К солнышку бегу.- отвечает речка.

- А можно мне с тобой к солнышку?

- Можно - ответила речка.

И побежали они вместе.

-Речка, речка. а тебя как зовут? - опять спрашивает любопытная Ольха

- Олхой зовут - ответила речка и побежала дальше.

Как же так, подумала Ольха.

- И меня Ольхой зовут. И тебя. речка, так же.

- И вовсе не также! - ответила речка - Ты ОЛЬХА, а я ОЛХА. Я большая быстрая речка, а ты маленький кустик.

Пригорюнилась Ольха и заплакала. А Олха ей говорит:

-Не плачь, Ольха. Побежали вместе к солнышку. Ты тоже будешь большой и красивой. И мы станем настоящими подружками.

С тех пор бежит себе красавица Олха по лесам и полям, а рядом с ней всегда растет пышными и густыми зарослями теперь уже большая и счастливая Ольха. Ее солнышко пригревает, Олха водицей поит, а расти ей свободно и привольно.

А гуляют рядом - так Ольху не обижают, ветки не ломают. Наоборот - любят ее. Красавица Ольха стоит кудрявая, в сережках.

Легенды о Байкале

Геннадий Машкин



Рождение островов Байкала

Когда байкальский уоян, котловина, залилась водой, ни одного островка не виднелось на унылой водной глади. Прошло еще много весен и зим, окончательно установилось море в своем каменном ложе между гор, а рыба приспособилась к нерестилищам, по гольцам зазеленели леса, полетели птицы и размножилось зверье. Определились к этому древнему времени ветры и начали дуть с такой силой, что вода закипела будто в котле. Взрослели и крепили Сарма, Верховик, Баргузин, Култук, поднимая волны в Байкале, и те гнали песок, глыбы по дну, выбивая из берегов новые пополнения.

Молодому Байкалу нравились такие игрища с ветрами, дурачился он в избытке сил и не замечал, что ветры могут засыпать его каменным бутором с верхом.

Да сама мать-природа мудрее своих отдельных даже самых удачных созданий. Увидела матушка мутный непорядок в море меж горами, выпятила в донном ложе скальный гребешок, и стали улавливаться камни теми щетками, наращивая косу. Из этой косы постепенно образовывался остров, который смирил волнобой, отделил Малое море для размножения рыбы и птиц. Зазеленели на острове луга, леса, появились звери, потом облюбывал эти места и человек. И называли люди остров Ольхоном, что на бурятском означает Малолесистый — на камнях и песке деревья разрастались медленно, а ветры лютуют над островом до сих пор, сметая семена в море.

Байкал при своем зарождении отличался миролюбием, кротостью и поеладистостью — вода заполняла углубление в скалах, как бы заглаживая упущение матери-природы. От берега до берега заблестела водная гладь, лишь нарушаемая кругами от всплеска ряби. Красота кругом была такая, что глаз не мог отвести от Байкала и самый последний зверек хорек. Смотрелись скалы в зеркало вод, берега прихорашивались деревьями, кустарниками да цветами, птицы носились над морем веселыми стаями, нерпа множилась на ледяных полях и жировела в глубинах.

Да у красоты, изобилия и благоденствия всегда найдется завистник. Прослышала Северная Буря про тишь да гладь на Сибирском море, взъярилась и примчалась к Байкалу. Притихла для начала в гольцах Буря, собралась со всей мощью и рванула по водному зеркалу, будто медведь налетел на косяк омулей.

Покрылась гладь пузырями, поднялись гривастые воды, забился исполин в своем ложе, словно в падучей. По берегам застонали деревья, попряталась вся живность в скалы, и смерчи закружились над морем и сушей.

Пришлось тогда Байкалу выплеснуть грозный голос:

— Не зли меня, Буря, уймись.

— Хочешь спокойной жизни, красавчик? — взвыла Буря. — Не выйдет, пока я есть на свете! Пусть все видят — я хозяйка в мире! Все переверну здесь, не смолкну! Выплесну все до капли — пусть моя сила торжествует!

— Разве плохо жить в мире и согласии? — пытался урезонить Бурю Байкал.

— Зачем сеять вражду в пример всему живому?

— Мне на роду предназначено сеять разор, красавец! — отвечала Буря, неистовствуя. — Чтобы все было в движении! И пока я не обращаю тебя в штормовой котел, не успокоюсь, красавчик! Ты должен стать моим подспорьем, а не оградой всякой живности!

— Придется тебя самому осадить! — плеснул Байкал пеной в зев Буре. — Я не враг живности, буду всех защищать от тебя, бедоносица!

— Волна у тебя не та, красавец! — взвыла Буря и принялась за прежний разор с новой силой. — Все из тебя выплесну-у-у!...

Заволновался в ответ Байкал, вскипел уже сам, меча в Бурю волны. А вслед за водяными валами стали подниматься со дна каменные зубья, скальные гребни и крепкие стенки.

Увидела Буря, какие у Байкала силы, стала звать на помощь местные ветры: Култук, Баргузин, Верховик и Сарму. Однако в защиту Байкала со дна понимались все новые гряды камней, о которые разбивались могучие ветры. Каменные зубья при этом, забрасывало песком, илом, щебнем, и образовывались целые острова. Самый большой скальный выход превратился в остров такого размера, что рассеивал Бурю на мелкие вихри и в конце концов усмирил ее.

С тех пор Буря, помня свой позор, насылает порой злые ветры на гладь Байкала, а то и сама обрушивается всей мощью на море. Да острова не дают ей разыграться, рассеивают ее запал. Полютовав сутки-другие, буря обессиленно отступает восвояси, оставляя в прибайкальских скалах для острастки все те же ветры Култук, Баргузин, Верховик и Сарму.

Морская живность, нерпа или ушканы, первыми ощутили защиту от сильных ветров у островной гряды и выбрали острова местом своего обитания. Впоследствии люди, которые заселили берега Байкала, назвали острова Ушканьи.